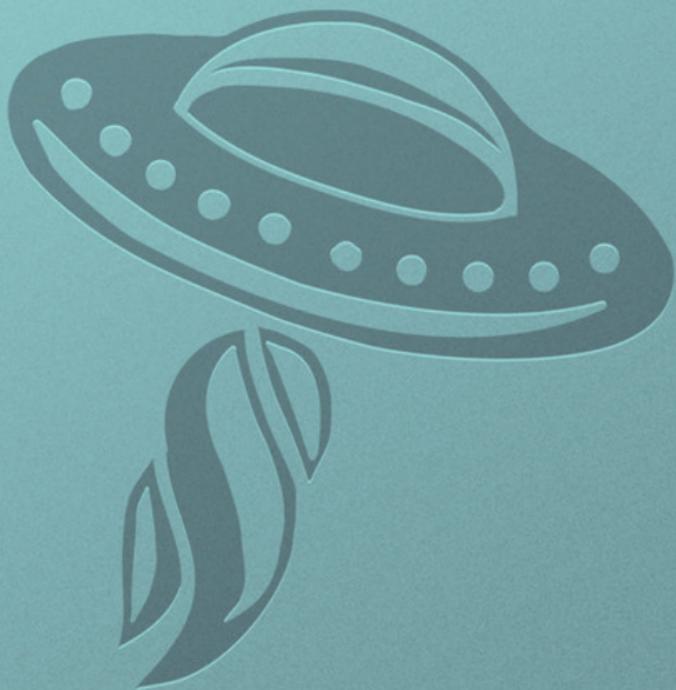

Марик Лернер

Мусульманская Русь.

Восток

Марик Лернер
Мусульманская Русь. Восток
Серия «Мусульманская Русь», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6715751
Альфа-книга;

Аннотация

Военный корреспондент – профессия беспокойная. Вечно приходится мотаться по миру. А жизнь в мире не стала тихой и безопасной. Японские захватчики в очередной раз собрались переходить границу по реке. Правда, граничащей не с Русью, а с Китаем... Но сегодня они юг захватят, а потом и на север посмотрят с интересом. Читателям очень важно получать новости из первых рук. И Темиров отправляется к месту боев.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

139

Марик Лернер

Мусульманская Русь. Восток

Аллах – Господь не одного народа, а всех людей и всех творений. Он щадит, кого хочет, и награждает или наказывает каждого в зависимости от его деяний, а не от его принадлежности к тому или иному народу или его предкам. Нам – за наши дела, вам – за ваши дела.

Коран. 2:139

1935 год

С высоты третьего этажа был виден весь проспект.

Их были многие тысячи. Молодые и старые. Образованные и едва умеющие читать. Хорошо одетые и в крестьянской одежде. Богатые и бедные. Туфли на каблуках и стоптанные сапоги. Полувоенная форма, меха и обноски. Непокрытые головы и шляпки с платками. Десятки тысяч женщин, двинувшихся в едином порыве. По тротуару шли немногочисленные полицейские, не столько сопровождающие процессию, сколько обозначающие присутствие. Впрочем, желающих становиться на пути не находилось. Затопчут в едином порыве.

– Бог един! – взревели демонстрантки слаженным хором. – Страна едина, где наши права? Равенство для всех!

Закон для всех одинаков!

– Судью Молочникова на фонарь, – закричал голос, перебивая гул толпы. Не иначе в рупор, чтобы все слышали.

– Смертную казнь для убийц! – взвыла толпа.

– У нас есть право голоса, – хором скандировали тысячи женщин, – мы требуем справедливости!

Нет, что демонстрация будет, знал весь Владимир. Да что там, наверняка сейчас нечто похожее творится во множестве городов. Еще три дня назад было ясно: непременно страна встанет на дыбы. Когда Ава Сейдаметовна берется за дело, мало никому не покажется. Живая легенда нашего времени. Интересно, кем бы она стала, если бы за другую легенду замуж в свое время не вышла? Наверняка бомбы кидала бы в свободное от воспитания офицеров время. Тут уж ничего не поделаешь. Когда у тебя за спиной триста лет рода, в котором одни военные, твои дети непременно подадутся в офицерское училище, а родиться девочкой – большое несчастье.

Характер и темперамент никуда не денется. Воспитание тоже соответствующее. Шестеро детей в семье, трое старших умерли в детстве, и мальчиков не осталось. Очень родителям не хватало наследника, и она им стала. Мужчиной в женском облике. Очень симпатичной, надо сказать. И сейчас вполне ничего, а в молодости весь гарнизон готов был по одному взмаху ресниц делать что угодно.

А дороги для тебя нет. Сиди на женской половине и помалкивай. Судя по разговорам, она и раньше, при Кагане,

способна была отколоть все что угодно. Просто обожала при случае завести разговор с очередным сильно религиозным типом и посадить его в лужу. Коран изучила серьезно – самостоятельно. На девочек подобное образование не слишком распространялось. Тут уж совпало так удачно или Ава умело подталкивала, но в том, как мы сейчас живем, есть немалая ее заслуга. Из ближайшего окружения она на Салимова самое большое влияние имеет.

Никаких тебе «дама света», добившаяся свободы и нехотя выполняющая общественные обязанности, время от времени появляющаяся на общественных мероприятиях. Она родилась для политики и решительных действий. Ава даже ходила не просто в деловом варианте мужского костюма, а во френче. Правда, приталенном и заметно подчеркивающим формы.

Женсоветы по всей стране, обеспечивающие юридическую защиту прекрасной половине населения, проводящие правильную государственную политику и заодно собирающие самую разнообразную информацию, поступающую в ее личный секретариат, – Авина идея и заслуга. Закон о браке, защищающем женщин, обучение для женщин в вузах, совместное обучение мальчиков и девочек, строительство новых больниц и школ. Все это она контролировала, а не просто освящала своим присутствием, как жена Диктатора.

Не ее вина, что Русь еще не доросла до желаемого европейского образца. Есть город – и есть деревня. Недаром

голос горожанина на выборах приравнивается к пяти крестьянским. А по-другому и нельзя. Не доросли еще до всеобщего равного голосования.

Крестьянская часть страны еще огромна и во многом традиционна. Так просто воспитания не изменить, еще не одно поколение потребуется. Народ в принципе руководствуется привычками многих поколений, но наиболее патриархальна и меньше всего меняется сельская жизнь. Да, понятие убийства за потерю чести еще долго не исчезнет. Слишком долго мы жили в соответствующих условиях и при традиционном праве. Двадцать лет новой жизни многое изменили, но психологию людей переломить очень сложно.

Честь мужчины в любой деревне зависит от поведения женщины. Это все страшно индивидуально и подвержено множеству факторов. Что в одном месте позволительно, в другом – категорически нет. В маленьком обществе, еще недавно замкнутом на себя, где каждый знает всех, это иногда очень остро проявляется. В зависимости от того, насколько традиционна и религиозна семья, поведение разнится. Иногда неприличным будет считаться, если чужой мужчина заговорил с дочерью. Бывают и крайности, когда просто не так посмотрел. Отцу не понравилось – достаточно.

Он просто обязан изгнать назойливого поклонника, если не хочет осуждения окружающих. Обычно хватает и просто слов, переходящих в ругань, однако бывают и крайние случаи. Как сейчас. Рукоприкладства не хватило. Дочь при по-

сторонних громко заявила о своей образованности, новой жизни и желании открыто прогуляться по деревне чуть ли не в обнимку с приезжим молодым человеком. Мы живем в интересное время. Где-то там, где она училась, никто из деревенских не в курсе, чем девушка занимается. Ходит ли на танцы без сопровождения родственников, носит ли короткую юбку, а может, вообще с парнями заигрывает. Чего не видят, того и не существует. Другое дело – дома. Здесь положено вести себя исключительно подобающим образом. А они уже не хотят. Привыкли к другому, более свободному поведению. Вот и довозмущалась.

У несчастного отца, в его понимании, просто не было другого выхода. Потеря чести непоправима. Дочь своим бесстыдным поведением его просто заставила поступить так, а не иначе. Любил он или не любил своего ребенка, значения не имеет. Поступи он иначе – в деревне бы его не поняли, для него настал бы конец. Не физический – просто уважение окружающих и любое признание были бы потеряны навсегда. Попробуй прожить в общине, если с тобой не считаются и все настроены против. Это уже не жизнь – существование. И ведь это касается всего семейства. Выходов два: уехать – и повеситься. В первом случае ты всегда будешь помнить об унижении. О вдруг оборвавшейся привычной и удобной жизни...

Есть и третий – общепринятый.

Каждый год в стране происходят десятки случаев убийств

по причине соблюдения чести. Все об этом знают. Очень многие одобряют, и не часто преступление выходит на свет. И местные власти, и сами деревенские (а иногда и городские из недавно переселившихся в город) не заинтересованы раздувать очередной неприятный случай. Дело не то чтобы прячут, но делают вид, что не знают причин. Списывают на несчастные случаи. В этот раз не вышло. Подозрительный жених оказался не из простых ребят. Новая формация. Правильно воспитанный, партийный товарищ. Да и любил, видимо, девушку. Умудрился поднять шум. И даже сейчас могло сойти без особых последствий. Ну, дал судья Молочников десятку каторги, как за непредумышленное убийство. Вполне нормальная практика. И наказан по закону, и не чрезмерно. Все довольны. Да вот Ава нашла возможность сделать из этого происшествия наглядный пример.

Честно, не так уж она и не права. Хороший предлог для давления на традиционалистов и деревню. Прекрасная возможность вмешательства в политику и продвижения своих идей. Замечательная история для объединения разных направлений в женском движении. Пришло время показать силу. Многие выросли в годы Диктатуры и не хотят возврата к прежним порядкам. Они их и не помнят, получая совсем другие представления о правильном поведении в школах. А вот теперь возьмутся и за деревню всерьез. Тут уже пахнет не просто отделением религии от государства – прямым противостоянием. Начнут в школах воспитывать на подобных

примерах по утвержденной программе – ой, что будет...

– Что-что? – переспросил Белов, недослышав.

Выкрики перекрывались дружным ревом:

– Бог един! Право для всех одинаково! Закон един для всех!

Тоже любопытное нововведение. Раньше я такого не слышал. Хорошая мысль. Теперь никто не сможет возмутиться. Не Аллах Акбар или еще какой Иегова. Женщины всего мира, объединяйтесь в борьбе за свои права. Не мусульманки с прочими христианками или буддистками. Все. Религия – личное дело каждого, страна едина. Оно и раньше неоднократно звучало, но не в таком виде.

– Она кричала «женщин в судьи», – любезно сообщил я. – И еще призывала посадить на кол мешающих получать образование. Женская логика. И то, и другое одновременно. Чисто пореволюционному.

– Сначала – в судьи, потом – в министры... – пробурчал Всесвет.

– А потом – и в главные редакторы, – обрадованно подхватил я.

Белов посмотрел на меня очумелым взглядом и явно задавил желание выругаться.

– Запрещающим женщинам работать и требующим сидеть дома и заботиться только о своем господине – скажем дружно «нет»! – орал матюгальник на улице женским голосом. – У нас нет господ! Равные права!

Толпа возбужденно взревела.

– Щас окна бить начнут, – посетовал я.

– Твоя тоже там? – спросил он.

– Хотела. Внезапно Глеб засопливился. Был привлечен консилиум из моей матери и врача из детской больницы. Старые знакомства. Совместными усилиями выяснили – ничего страшного, но Любка решила сегодня посидеть с ним. Ничего, еще завтра наверстает.

– Думаешь, не на один день?

– Это смотря на реакцию высокого начальства. Посадят на кол Молочникова – и все успокоятся.

– Шуточки твои, – недовольно сказал Белов, закрывая окно. Звуки стали тише, но если напрячься, можно разобрать очередные речевки. Сильно прихрамывая и опираясь на палку, прошел к столу и плюхнулся на стул. – Тебя бы на мое место.

– Не выйдет, – злорадно сообщаю, – званием не вышел. Тут по штату не меньше полковника. Сам отдувайся.

После переворота значительная часть чиновников фактически саботировала действия правительства или, боясь быть осужденными за свои действия, предпочитала бездействие. Откуда новой власти было взять преданных людей? Сплошной дефицит не запятнанных сотрудничеством со старым режимом. За год семнадцать тысяч уволили без права занятия государственных должностей. Этим еще повезло – некоторых сажали. Не очень много, зато с обязательной конфиска-

цией имущества. Сложно догадаться, откуда возьмутся новые кадры? Совсем просто!

Наше правительство и административные органы чуть ли не наполовину состоят из бывших военных. Кто основная опора военного правления? Они самые. Армию сокращать необходимо, держать миллионы людей под ружьем невыгодно экономически и просто опасно. Куда девать лишних? На смену нелояльным. Очень просто и красиво.

После переворота повсюду устанавливалась военно-административная власть. Естественно, на первых ролях оказались офицеры. Они вынужденно налаживали не только порядок, причем часто крайне энергично, но и занимались организацией хозяйственной деятельности. Методы были вполне солдафонские, да не стоит считать любого военного дураком. Кто до полковника дослужиться не успел, мозги чаще всего еще на месте. А таких было подавляющее большинство, и на новом поприще они всерьез настроились делать карьеру.

Потребовалось всего пять лет для восстановления производства до довоенного уровня. Если бы не вспышки мятежей, срок был намного меньше. При этом одновременно шла яростная кампания по искоренению пережитков, давились восстания на окраинах и был создан эффективный административный аппарат. Заметно укрепилось влияние государственного сектора в экономике. Вот с коррупцией и семейственностью окончательно так и не справились и через два-

дцать.

Многие из сегодняшних высоких гражданских чинов хорошо знакомы с Магди с давних времен. Попадаютя и родственники. И что абсолютно «неожиданно», на ключевых постах сидят совсем не случайные кадры. На кого еще опираться, как не на своих проверенных товарищей? В массе своей консервативных, но заинтересованных в изменениях. Без излишеств и постепенных.

У нас на Руси масса офицеров была выходцами из низших слоев общества. Кто-то поколения назад пошел в армию, кто-то недавно, но кастовости и перегородок между солдатами и командирами не было никогда. Дворянство так и не оформилось, и в теории все были равны. Вне строя однополчане исключительно на «ты». Одни, правда, богатые, а другие не слишком. При полном соблюдении дисциплины и субординации отношения между начальниками и подчиненными во внеслужебное время были достаточно свободными. Офицеры чувствуют себя вне социальных классов. Они – офицеры армии, а это повыше, чем что-либо другое. Для нас армия – не просто слово. Для многих это образ жизни и мыслей.

Кадровых офицеров, не принявших новой власти, было минимальное количество. Не стремящихся служить найти было практически невозможно. Перевороту изначально сочувствовало подавляющее большинство. Ему радовались. Слишком сильно было убеждение в виновности Каганата, в

моральной ответственности за все происходившее во время войны. Очень уж много вылезло недостатков и болевых точек при первых же сложностях. Чрезвычайно резала глаз отсталость во всех отношениях при сравнении как с противниками, так и с союзниками. И это на Руси, всегда считавшей себя величайшей страной!

Спроси любого – и они уверенно ответят, что демократия – это роскошь, которую страна с таким уровнем развития, как Русь после войны, не может себе позволить. Необходимо сначала подготовить экономические, социальные и культурные предпосылки для демократии. На самом деле никакая демократия нам не требуется, но надо делать хорошую мину перед европейцами и американцами. Моментально с высокой трибуны было заявлено о невозможности преобразовать страну за одну ночь. Требуется подготовительный период на построение базы улучшения благосостояния. А пока во избежание анархии придется поступиться некоторыми вещами.

Впрочем, именно в этом вопросе я с ними абсолютно согласен. Любые перемены бьют по людям, по очень большим слоям общества, и нельзя ломать страну даже из самых лучших побуждений, не имея за спиной серьезной силы. В теории реформы всегда проводятся в интересах общества и с его согласия. На деле простой народ не спрашивают. Слишком уж он болезненно воспринимает новые идеи. До реальных перемен на манер бесконечных партийных свар во

Франции нам еще далеко. Пусти все на самотек – и защитники семейной чести получают большинство на выборах, а там недолго и до возврата к Каганату. Спасибо, не хочется.

Никуда не денется деревня. Там за Салимова зубами загрызут. Первой же мерой революционного правительства была отмена ростовщических процентов по долгам. Крестьянский банк национализировали уже потом, да и процент на ссуды для мелких собственников там минимальный.

И роль «Движения за национальное развитие» за эти годы серьезно выросла. Модернизация по-армейско-салимовски означала не простое заимствование западных образцов, хотя и это имело место в отдельных случаях, а преломление через традиции общества. Главную роль при этом играл здоровый национализм. Низкопоклонство перед демократами у нас пройдет, а патриархально воспитанному поколению очень даже нравилась подобная постановка вопроса. Взять и при этом поплевывать свысока на дающего.

Основная идея – процветание нации, тесно связанное с ее независимостью, под которой понимается экономическое самообеспечение государства и его политическое самоопределение, – доступна самым недалеким людям. А что при этом поминается регулярное вмешательство государства, как носителя справедливости, во все сферы жизни – так для Руси ничего особо оригинального. Каган, простите, заменивший его Диктатор всегда был высшей инстанцией, и правительственные учреждения – инструментами в его руках.

Изначально планировалось опираться на традиционную деревенскую культуру коллективизма, однако затем пришло решение заменить обычных сельских старост специально подготовленными руководителями из неместных. Не везде проходило гладко, были и сложности. Чужаков в деревнях никогда не любили, но власть есть власть. Прислали молодого и энергичного – не хочешь, а подчиняешься. Тем более что он всегда на стороне крепких хозяев. Иерархии внутреннего лидерства крестьянского общества никто сломать не стремился. Вот ростовщиков очень быстро нагнули запретами и налогами. А кто землю пашет – хоть сам, хоть при помощи наемного труда, – свой человек. Главное – не нарушать законов.

Отделения и ячейки «Движения» имеются повсеместно, в любой деревне и на самом маленьком предприятии. Молодое поколение получило социальный лифт и возможность через «Движение» выйти в «люди». Из этих парней и девушек, получивших правильное воспитание, и формируется новая государственная элита. Уже не представители своего общества, а надклассовая структура и, согласно одной из речей нашего всеми уважаемого Диктатора, «состоящая из молодых и компетентных лидеров нового поколения». В переводе с официального русского на разговорный язык – мы получили молодых офицеров, являющихся основным командным звеном нового режима.

Кругом сплошные золотопогонники. Официальные и

неофициальные. Так что мне сам Аллах разрешил не мучиться чиновпочтанием. Мы ж не просто старые знакомые – я служил в правильном месте. И с присвоением первого офицерского звания меня командир дивизии поздравлял, и первый орден лично вручал еще рядовому. Не изувечь ему ногу осколком – в большие чины мог выйти бывший командир Белов.

А мне на этой почве повезло. На все на свете удача нужна. Не назначили бы Белова редактором армейской газеты, и не обнаружь он в присланной почте мой первый опус о Ярославской добровольческой бригаде, да не вспомни меня, – хрен его знает, чем бы я сейчас занимался. А теперь я, если по армейским меркам, в звании (вечный корреспондент против главреда) намного ниже, зато по должности (сиречь известности) гораздо популярнее. И, что важнее, за границей тоже. Можно смело гордиться успехами. Не каждого награждали международными и государственными премиями и высылали со скандалом из двух стран, запрещая посещение империи, где никогда не заходит солнце. Где-то так на так положение получается. Какая уж тут субординация, если я на днях побывал на свадьбе его младшего сына. Почти родственник.

Вообще недаром сказано: «Чем больше приближаешься к горе, тем она становится все выше. Приближаясь к великому человеку, невольно замечаешь, что он все ниже и ниже».

Редактор известнейшей и влиятельнейшей газеты в моем

представлении в бытность талибом¹ являлся гигантом мысли, энергии и образованности. Белов этими качествами не обладал. Прекрасный человек, приятный в общении, всегда готовый выслушать и помочь, но воспитание наложило четкий отпечаток. Он был неплохим администратором и даже иногда (в привычных армейских рамках) проявлял инициативу. Однако фактическое управление оставалось за редколлегией, хотя без его визы ничего не решалось. В творческий процесс он не лез и в глубине души крайне уважал способных написать что-нибудь серьезнее официального доклада вышестоящему начальнику. Воспитывать принимался исключительно желающих без разрешения влезть в темы подцензурные.

– Слушай, – жалобно сказал Белов, – ну есть же границы.

– Ага. Надлежащим одеянием для женщины является чадра, покрывающая волосы, руки и ноги и не показывающая ее красоты. В нашем климате приводит к рахиту. Недостаток солнца, как утверждают врачи, приводит к невосполнимым последствиям. Если не выдумали на ниве просветительского энтузиазма. А вот язык им, честно скажу, лучше всего отрезать при рождении.

– И тебя жена достала! – обрадовался Всесвет. – А я сколько лет терплю. Так им прав мало.

– А куда деваться? Ну, если без высоких слов... – Он заинтересованно кивнул мне. – ...Это руки, – вздохнул я. –

¹ Учеником, студентом (*араб.*).

Просто рабочие руки. Грубо говоря, четверть взрослого городского населения. В деревне женщины и так работают, за редчайшим исключением. Занимая места, где не требуется особой физической силы, а терпение, усидчивость и внимание, они высвобождают мужчин. Все эти продавщицы, телефонистки, секретарши, медсестры, учительницы – это миллионы рабочих мест. Даже текстильные фабрики и столовые с ресторанами. Государство выигрывает дважды. Оно может маневрировать, перераспределяя работников и направляя в нужные отрасли, и... платить женщине меньше. Проблема в чем? Что устраивало двадцать лет назад, уже не кажется привлекательным. Они хотят расти по служебной лестнице. Не медсестра, а врач. Не секретарша, а пусть маленький, но начальник. Потом дойдет и до большого. А запретить нельзя. И кстати, помяни мое слово, следующий этап – требование одинакового жалования независимо от пола. Профсоюзы этого давно добиваются.

– Это справедливо.

– Разве я спорю? Не верю, будто то, что было правильным в дни Пророка, да пребудет с ним мир и покой, должно быть применимо и сегодня! Я прекрасно понимаю – мир изменился, и мы вынуждены меняться с ним. Иначе окажемся в хвосте. Я солидарен, когда женщины отказываются быть чьим-то имуществом без права голоса и без права выбирать. Но! Есть огромное «но». Муж всегда был высшей инстанцией. Жена сидела дома и воспитывала детей. Он приходил и

ставил точку в любом споре, вынося решение. Никто и не думал возражать, сплошное уважение. Потому что он был кормилец и от него все зависели. А станут они, – я показал в сторону окна, – получать не меньше или даже, не дай Аллах дожидаться, больше – какое уважение? Какое воспитание? Она работает, и ей некогда. Жена делает карьеру и неплохо справляется. Будут убивать уже не дочерей, а жен. Станут брать в жены необразованных и бояться умных. А потом привыкнут. И главой семьи станет женщина.

– Умная жена всю жизнь крутит мужем, как хочет, – задумчиво сообщил Белов. Не удивлюсь, если про себя.

– Дома. Не открыто. Но волноваться не стоит, – бодро заверил. – Точно не в этом поколении. Разве что внучки твои доживут.

– Не думаю, – помолчав, сказал он, – что стоит об этом писать. Очень уж картина получается... неприглядная.

– Я много чего пишу и иногда никому не показываю. Велик Аллах, когда-нибудь придет время и для этого. А пока нет смысла. Никакая цензура не пропустит. Лучше уж проводить в народе идею, способную объединить всех мыслящих, независимо от религии и пола, не вызывая катаклизмов. Мы ведь все по рождению националисты по отношению к загранице. Страна едина! – продекламировал демонстративно. – Народ един! Совсем неглупые лозунги. Даст им Салимов, чего просят, и будет огромная поддержка всем начинаниям правительства. Закон о защите брака не только за-

прещал многоженство, давал право на развод, но и обещал право голоса. Вот они им и воспользовались в полной мере.

– Ладно. Внутригосударственные дела обсудим в другое время. На чем мы остановились до того?.. – он поморщился.

– На гневных криках по поводу моего поведения, – с готовностью докладываю.

– Тебя воспитывать – исключительно время терять, – брюзгливо сообщил Белов. – Совсем распоясался. Скажи спасибо, что вместо поручения навечно ездить с репортажами по медвежьим углам просто выдернули из Германии. Писатель... мля... Что за хамская манера фигу в кармане держать?! Все кругом идиоты, и никто не догадается?

– А вот это, – твердо заявляю, – на совести дураков-перестраховщиков. С какой стати кто-то углядел намеки на собственную Отчизну в моем описании Леманна?

Взгляд начальства был достаточно выразителен. Еще немного – и натурально взбесится.

– Внутренняя обстановка в Германии, – старательно делая вид, что не понимаю, принялся излагать, – страх перед критикой со стороны оппозиционных партий и корыстные интересы делают Леманна временным нашим союзником. Именно временным. Он ищет одной выгоды, а не реального союза. Голый расчет. Помяните мое слово, он скоро крепко возьмется за любых несогласных.

– Ты всерьез не понимаешь или придуриваешься?

Да все я вижу, мысленно завопил, но они больные на го-

лову в своем МИДе. Ну написал:

«Применяются отнюдь не парламентские методы для устранения противников, включая внесудебный террор против оппозиции, в стремлении ликвидировать неподконтрольную правительству Леманна политическую деятельность». При чем тут Салимов?! И про выбор народом вождя с обязанностью для него взять личную ответственность не только за своих соратников, но и за всех подданных – тоже без всяких кивков на Русь. Отвечать необходимо за свои действия, если уж веришь в свою миссию. Какие к шайтану намеки! Это у них на уме, не у меня! Если бы Диктатор лично обиделся, меня давно бы допрашивали совсем по другому адресу.

– И в первую очередь, – продолжая старательно изображать наивность, сообщаю, – разберется с нашими друзьями. Все эти речи достаточно откровенны, надо только слушать. Идейная близость с британцами, заявка на реформирование армии. Мало, что ли? Кто-то вообще читает, что я писал про проект нового закона, включающий всеобщую воинскую повинность?

– Молчать! – зарычал Белов. Достал я его. Он все прекрасно понимает, но должность такая. А позвонили наверняка с очень больших высот. Не стал бы суетиться иначе. Ему передо мной было даже неудобно, и по всем инстанциям старательно отмазывал как бы не в том же стиле. Прямо-то никто ничего не говорит. «Есть мнение», – и глаза заводятся

В потолок.

– Все. Думай в другой раз, – после длительного молчания приказал соответствующим голосом. – Доиграешься. Вопросы есть?

– Если не знаешь, как поступить, изучи мнение начальства и следуй ему. Установка ясна, – подтверждаю с готовностью. – Англичанка гадит, американцы недовольны японскими действиями, и желательно подтолкнуть в правильном направлении. Франция опасается за Индокитай и не мешает покапать на мозги простым лягушатникам. Китайцы почти хорошие, японцы не совсем плохие. Они отвратительные. Ничего не забыл?

– Твоя хамская привычка передавать обзоры в США, а потом сослаться на них же при написании очередной статьи в русской газете для обхода цензуры. Вроде не сам придумал, а просто ссылаешься на общеизвестное. Думаешь, никто не замечает?

– А что, так заметно? – огорчаюсь. – Молчу, молчу. Все понял. Но неплохо задумано? Всегда есть возможность пропихнуть интересную новость в обход бдительной цензуры. «Herald Tribune» в наших газетных киосках начала свободно продаваться, и сослаться на тайну сложно. Хорошие бизнесмены живут в США – расширяются. Уже и к нам пробрались. Да и не писал я ничего против нашего руководства. Исключительно про Германию.

– Гуляй, – сказал Белов брюзгливо. – Умник выискался.

Билеты на поезд и прочие бумаги получишь в финотделе. Заодно и проветришься в дороге. Лежит на тебя где-то папка и пухнет. Потом извлекут и шарахнут по башке – мало не покажется.

– Я верю, – торжественно заявляю, – в мудрость наших замечательных правоохранительных органов. И что немаловажно, знакомство со многими высокопоставленными товарищами. Вдруг каску одолжат?

– Посерьезней тебя люди горели, – поморщился Белов. – Подумай.

Я вышел и аккуратно прикрыл за собой дверь. Не нравятся мне такие указания, и срочная командировка в совершенно другой конец континента тоже. Неужели что-то всерьез бродит по нашим вконец ополоумевшим от бдительности верхам? Неприятно. Скоро совсем начнут заставлять писать согласно указаниям – от сих до сих. Попытка повякнуть свое будет караться отлучением от редакции и каторжными работами в сельском хозяйстве сторожем.

Не хочется верить в подобный маразм, но у нас всегда любили пересаливать. Лучше перебдеть, чем недобдеть. За запрет отвечать редко приходится, а за разрешение может и серьезно влететь от вышестоящих. Тогда придется уходить на вольные хлеба. Мне это проще. И доход какой-никакой с нефтяного участка присутствует, и второй фильм про доблестного русского разведчика радостно куют на киностудии.

Странные люди. Ну бред же натуральный – кто хоть рядом

с этими вещами стоял, прекрасно понимает, насколько ерунда, а люди толпами ломятся посмотреть. Прямо неудобно. Не настолько я деньги люблю, чтобы клоуна из себя строить. Хотя семью тоже надо кормить. Раньше-то не задумывался над стоимостью женского платья. Любке вечно выйти не в чем. Посмотрел как-то на счет от портнихи и глубоко задумался. А куда деваться? Жена обязана выглядеть прекрасно. Это же вроде ордена на груди. Смотрят и завидуют. И еще важнее, когда она довольна: тогда жизнь прекрасна.

Впрочем, я счастливчик. Всегда был и, очень надеюсь, останусь. Сумел-таки создать оригинальную книгу. Первый на Руси на этом поприще. Честно сказать, писателем себя по-прежнему не ощущаю, но приятно. Деньги не сильно большие, зато престиж, реклама, и мне теперь и тиражи с гонорарами обеспечены. А как же, «Семья Кантемировых» даже без похвалы Салимова, растиражированной по всем изданиям, восемь недель самой продаваемой в стране была. А с соответствующей надписью на обложке стала страшно завлекательна.

Всем стало жуть как интересно. Кто ищет ляпы чисто из вредности, обнаруживая эфес сабли не той формы, а кто – глубокий смысл. Мне не жалко. Я даже могу исправить при переиздании неточность, а двойного смысла не вкладывал. Обычная семья, все поколения служившая государству, как они понимали. А это значит – кровью. Ни одна война без Кантемировых, которые суть Темировы, не обошлась, и не с

каждой мужчины возвращались домой. Сам не заметил, как почти тысячу страниц написал. Два здоровенных кирпича за год.

Даже американцы заинтересовались книгу перевести. В долларах заплатят. Вроде это не то третий, не то четвертый случай в истории США. Русские писатели с их проблемами и молитвами Аллаху страшно далеки от тамошних читателей. А я – вот он, пробился! Есть чем гордиться.

Есть, конечно, и кто ругает. А как же. Я таких читаю, в отличие от похвальных отзывов. Ну да, кровищи под обложкой море. Ничего не поделаешь, почти ничего не выдумал, а шибко реалистично смотрелось – так личные впечатления вставлял. Война и сотни лет назад ничем особенным от современной не отличалась. Пот, вонь отхожих ям, кровь, мозоли и дурость командования вкупе с героизмом солдат.

Еще сценой взятия Пилау попрекали. Я виноват, что в городе всех особ женского пола от двенадцати и до пятидесяти лет солдаты оприходовали? Еще и по несколько раз иных – на всех не хватало, осадная армия большая. Времена такие были. Культурные французы с англичанами почти в те же годы города на три дня на разграбление отдавали. Ничего не поделаешь: кого на шпагу брали, а не сам сдался, – тому ничего хорошего не светило. Зверства были совершенно нормальным явлением. А уж после убийства русских парламентаров ничего хорошего от победителей ждать не стоило. Вот Кенигсберг не курочили. Сдалась немчура честно и имуще-

ство, а заодно и душевное равновесие, сохранила в целостности и сохранности.

А одна экзальтированная девица опять же недовольна осталась историей с князем и полячкой. «Ой, такое невозможно», «Ой, у него один предок ногаец, а другой татарин. Не то воспитание». И сто тысяч ссылок на документы. Дура. Я всю историю натурально с семейства Киреев списал, особо не утруждаясь.

Кое-что исправил, кое-какие даты передвинул, но в целом очень близко к реальной истории. Василия сразу поняла и со смехом пообещала, если что, спрятать от брата. Ему крайне не понравилось описание подкаблучности предка. Одно дело между нами разговоры – и совсем другое растиражированное на всю Русь. Даже если не в такой степени – я писатель, я так вижу. Прекрасно известно о талантах ханши в управлении хозяйством, и как она жен сыновьям отбирала. Традиция дожила до наших времен. Нет там соответствия имен, и даже усадьба в другом месте находилась. Какие претензии? Не историческое исследование, а художественное произведение.

А продолжения писать не буду. Слишком болезненная тема последний Каган. Не хочется лезть. Официально, как в учебниках прописано, рассказывать – себя не уважать. А замалчивать разных интересных подробностей не хочется. Не случись Австрийская война – могли бы дальше поживать, постепенно скатываясь в сторону недогосударств Востока и неминуемо плохо кончили бы. А ведь служили, и честно слу-

жили. Не называть имен? Так в результате вранье выходит. Про далекое прошлое легче.

Ходить бывает склизко
По камушкам иным.
Итак, о том, что близко,
Мы лучше умолчим².

Или все-таки попробовать, но не прямо? Взгляд не вполне типичного человека. И прототип интересный имеется.

1911 год

– Вот здесь!

Машинист хлопнул по плечу и показал рукой.

– Напрямую минут двадцать, и патрули отсутствуют.

Ян поправил вещмешок и прыгнул. Скорость у паровоза на подъеме была маленькая, и, пробежав несколько шагов по инерции, он остановился. Помахал рукой на прощанье и двинулся в сторону домов.

Удачно получилось. Без денег и билетов, на перекладных нормально добрался. Уголек в топку немного покидал – да это не проблема, приходилось и раньше. Чего же не помочь приятным людям. Им хорошо, и ему неплохо. Свой брат-железнодорожник всегда поможет. Со временем, правда, вышло не так уж замечательно. Надеялся проскочить вперед

² Стихи А.К. Толстого. «История Государства Российского».

– не вышло. Военские эшелоны ходили пока по графику, а прочие перевозки всерьез трещали и задерживались. Без особого образования можно было догадаться, что впереди железку ждут серьезные трудности. Да и наслушался в дороге. Поездов не хватает, те, что есть, бесконечно чинятся – которые под откосом не валяются на Западе. Вагоны в отвратительном состоянии. Перевозки не только пассажиров, но и грузовые затруднены. Недаром и с продуктами напряженка. Где пусто, а где густо. На железке проще. Приспособились поездные бригады приторговывать, но дело незаконное насквозь, легко по шапке получить.

В городах еда по карточкам, а в деревнях обычной мануфактуры нет. Первые пару лет с начала войны в деревнях совсем неплохо жили, даже доходы выросли. Продукты и армии нужны, и в городе. Вот только запас прочности оказался не слишком большим. Как по мобилизации мужиков подмели, рабочих рук стало не хватать, да и цены не только на хлеб с картошкой и мясом подскочили – еще и на промтовары, и намного больше. Заводы-то с фабриками на военное производство все больше перешли. А фронт проглатывал все, начиная от ткани на форму и кончая лошадьми. Начались нехватки и ухудшение завоза. Как ни старайся, а если производство уменьшилось – либо цена больше, либо вовсе нет. Хреновая жизнь настала, и как бы хуже не было. Дожди вот зарядили не в срок.

Он запахнул шинель, мимоходом пожалев, что ватника с

собой не взял, но ничего не поделаешь. Здесь глубокий тыл – не поймут, если пойдет по улицам в таком виде. И так не сказать чтобы сильно парадный вид. И полы, прожженные у костра, если присмотреться, и цвет не очень. Лучше не нашлось. Шинель была офицерская и по виду не отличалась от обычной. Качество сукна получше, да давно уже не имела ни приличного вида, ни нормальной подкладки. Весь форс для понимающих вышел, но старшина в солдатском обмундировании смотрится в глазах окружающих вахлаком. Невместно. Единственным отличием на фронте офицера от солдата, кроме защитного цвета погон, был ремень из настоящей кожи. Командиры быстро усвоили желание не выделяться: снайперы любили бить по головам в фуражках. Да и интенданство не слишком расщедрилось. Бравый вид для парадов, а поползаешь под обстрелом – и от солдата с виду ничем отличаться не будешь.

Проверил пистолет в кармане. Без оружия Ян чувствовал себя голым и с совершенно не положенным ему «вальтером» не расставался. Семизарядный магазин, рукоятка удобнее «парабеллума». В руке хорошо лежит, точность приличная. Не то что русское угребище – «федоров». Еще был хороший нож. Вполне достаточно для серьезного человека. Не гранаты же таскать по мирным местам. Натянул поглубже шапку-ушанку – изображать из себя бравого хазака с головным убором набекрень желания на холоде не имелось – и потопал в сторону домов. Начало осени, а дожди холодные. С

урожаем будут серьезные проблемы.

Тропинка больше напоминала сплошную грязевую ванну, в каких богатенькие до Австрийской норовили полежать, якобы лечась. Морды кривили на иноверцев, а сами ездили. Стоило мотаться на заграничные курорты, когда дома грязюки огромное количество. Он с чавканьем переставлял ноги, тщательно следя, чтобы не поскользнуться. Упадешь – утонешь. А уж извозюкаешься наверняка. Грязь неохотно отпускала, с новыми силами цепляясь за сапоги. Ну, ему не привыкать. Пехота тем и занимается, что постоянно топчет землю в отвратительных условиях, а разведка еще и на пузе старается. Пожалуй, ползком больше выйдет, чем ногами. За эти годы он наверняка намотал путь вокруг земного шара. До Тихого океана и обратно – точно.

Понемногу дорога становилась все лучше. Появились тротуар и замощенная проезжая часть. Дома тоже подросли. Маленькие невзрачные хаты почти как в деревне – на глазах превращались не в особняки, но приличные дома. Заборы стали прочнее и выше, уже не все серо и уныло. Их семья тоже жила в похожих условиях. Не нищета, люди нормально зарабатывающие проживают. Понятно, не из образованных, но квалифицированные.

Впереди двое мальчишек выясняли отношения. Наскоки, крики и не особо приличная речь. Без особой злости, просто возраст такой. Зачем дурью маяться, если спросить можно? Он и так бы нашел, но в незнакомом городе не стоит бегать

по улицам. Можно и нарваться, а документов нет. Ян махнул рукой, подзывая, и они, моментально забыв про разногласия, охотно подошли.

– Где улица Садовая, знаете?

– А кто нужен? – спросил более худой, шмыгая сопливым носом.

– Четырнадцатый дом. Нуялисы.

– Знаю, – согласился мальчишка. – Это врач, – пояснил он приятелю.

– Вот-вот, – обрадовался Ян. – Покажешь?

– За сигарету, – звучно высморкавшись, согласился тот.

– Пророк тебя не поймет, – усмехнулся Ян, – он завещал людям помогать.

– Главное – чтобы мать не поймала, – очень логично заявил тот.

– Махорки отсыплю, а сигарет нема.

– Пойдет, – согласился второй, хитро блестя глазами и протягивая руку: – Давай!

– ?

– Два квартала прямо, поворот налево. На воротах написано «Приемная». Раньше на дому лечил. Он вообще в госпитале, но жена должна быть дома.

– Вы проводите – тогда и получите, – сердито сказал Ян. Так проколоться. Ведь правильно шел!

– Запросто, – довольно сказал худой, в очередной раз шмыгая носом и вытирая сопли рукавом. – Мы же не мазу-

рики, и совсем не трудно. Пять минут – и будет Садовая!

...Ян старательно вытер подошвы от налипшей грязи и позвонил. В глубине дома задрезжало, но пришлось несколько минут подождать. Дверь распахнулась, и маленькая худенькая женщина вопросительно посмотрела на него.

– Я... это... – сообщил с изрядным удивлением Ян, пытаюсь понять, как у такой матери мог родиться этот огромный жлоб. – От Радогора.

Больше он ничего сообщить не успел – был цепко схвачен за рукав, с неожиданной силой затащен внутрь и препровожден в залу. Даже снять шинель не дала, волоча его за собой и громко сзывая дочерей. В его представлении они были малявки, во всяком случае лейтенант, тьфу, капитан, никак не привыкнет, еще одну звездочку дали перед самым отъездом, так говорил, а оказались уже взрослые девицы. Шустрые до невозможности и энергичные. Старшую вроде Айша зовут, а имени младшей он не запомнил. Одна, не дожидаясь подробных объяснений, поспешно кинулась звать отца, другая пихнула на стул.

Он осторожно приземлился на краешек, стараясь не касаться чистой скатерти на столе и не запачкать стул. И так не сильно чистый и возможно вшивый, да еще двое суток в угле возился. В прошлом году завалились они на постой к местной помещице переночевать. Единственный на всю округу сохранившийся дом. Та была само радушие, пока по рукаву не промаршировала батальонным строем колонна вшей.

Надо было видеть ее побледневшее лицо, и как она шаркнулась.

Ян достал из вещмешка письмо и сверток с деньгами и протянул матери:

– Вот, – сообщил с облегчением. Что еще сказать, не знал. Задача выполнена, пора смываться. Еще на станцию топать.

Никуда его не отпустили. Сначала было прочитано немногословное письмо, с обычным набором – «жив, здоров, чего и вам желаю». Потом начались расспросы. Ян косноязычно отвечал, стараясь говорить поприличнее, не срываясь на мат, и тихо изумлялся странным представлениям о фронте вообще и солдатской жизни в частности. Вопросы были изумительные:

– Откуда столько денег? Да у нас тратить не на что. Все за государственный счет. И еда, и одежда. Вот и собралось. Да ему еще что-то за награды положено.

У начштаба полка в карты выиграл. Ну, не сообщать же. О, «мальчик». Надо же. Наш бывший лейтенант ребенок. На самом деле старший лейтенант раньше был, но никто так не говорит. Все младшие просто лейтенанты – и старшие автоматически превращаются в просто лейтенантов. Как подполковники и надполковники в полканов. И ведь для матери именно так. Наверное, и я для своей представляюсь невинным теленком. Тот еще Радогор перец. Мы же даже не штыками работаем – руками. Ножиком под лопатку. А ту немчуру он вообще руками удавил. Посмотрела бы мать в этот

момент на личико своего мальчишка – испугалась бы. Тут кто хочешь испугается. Рожа перекошенная и очень неприятная. Интересно бы на собственную в схожий момент посмотреть. Видать, ничуть не красивее.

– Как нас кормят? Прекрасно. Все по штатным нормам. Особенно когда, как сейчас, в окопах сидим.

На память перечислил полный список норм. Такие вещи он прекрасно помнил. Читали с голодухи приказ и ухохатывались. Звучало прекрасно. Правда, паек здорово урезали в прошлом году, но им откуда знать. Про пшенку, что из горла назад лезет, и вороватых интендантов распространяться не стал. Как и про убитую снарядом лошадь, из которой вырезали куски на морозе. Та еще работенка. Как дерево пилишь. Рассказать в подробностях про продсклад – так ведь не поверят. Если мясо не поступает вовремя, его по специальным таблицам заменяют по весу один к трем рыбой. А можно и консервами или колбасой. Где, интересно, водятся интенданты, способные оторвать от сердца колбасу, а не затхлые сухари по той самой таблице взаимозаменяемости и калорийности, в которой ведро воды запросто замещает котелок каши? Или недоброкачественная рыба списывается в отходы (а ее уже выдали взамен мяса), и тот самый окорок уходит налево? Нет, лично их роту не обижали. В каком-то смысле на привилегированном положении, всегда приварок есть, но когда в поиске, горячего не увидишь. Тогда и сухарь – лакомство. Сухой паек на сутки-двое, а иногда приходится

и больше сидеть. Тут и копыто за еду сойдет. Объяснять? Да ни за что! Питаются почти как в ресторане. Пехтура гораздо хуже живет. Что да, то да. Все в сравнении.

– Шерстяные носки?

Ян попытался вспомнить, есть ли у Радогора шерстяные носки, но в памяти не отложилось.

Хватало других забот.

– А как же! – подтвердил, не краснея. – Имеются. Офицер все-таки. Не в портянках ему ходить.

Когда отступали, Ян еще на бронепоезде катался, а вот при наступлении сапоги месяцами не снимали, так что ноги гнили. Рота всегда впереди шла. Еще и вши заедали. Помыться некогда. Не спрашивают – и слава Богу. Надо думать, в их представлении баньки везде понатыканы.

– Ноги держит в тепле, обязательно. Здоровье прекрасное. Ну что вы! Не в землянке проживает. Прекрасная изба. Теплая. Не хворает.

Через Вислу когда ходили, было страшно «сухо» и «тепло». Берега замерзают, а посередине еще нет. Вот и плывешь на тот берег с бечевкой. Выползаешь на лед, а он под тобой обламывается. Детям и женщинам такого не рассказывают. Закрепишь там, а на следующую ночь группой на плотике вдоль бечевки. Выползаешь назад – и спиртику тяпнул. С этим проблем не было. И хоть бы раз кто заболел! Расскажи кто другой – и не поверил бы.

– Какая стрельба? Мы почти в тылу, да и в обороне стоим.

Ага. Расскажи им. Конечно, не простая пехота, но про это предупрежден язык не распускать. У нас жизнь наособицу. Пошли, взяли «языка», вернулись – у нас есть свое жилье, своя кухня, мы можем поспать. Кроме того, нет сложностей свободно передвигаться в нашем тылу, если не нагнать. Да в тот же санбат сходить к медсестричкам. До войны кто бы баб в армию пустил? Жуть! Каган лично бы удавился от негодования. А сейчас в порядке вещей. Лучше чем мужики обиходят. Не все, разные свиристелки попадают, но в целом лучше. Конечно, на прогулки так просто не сходишь, предупреждали командиров, но все равно это было больше на доверии. Да за такие привилегии кровью платят. За год две трети роты схоронили.

– На той стороне Вислы австрияки – на этой мы. Чего зря палить? Бессмысленно. Сидим, друг на друга смотрим.

А Фарида снайпер подстрелил. Тоже думал, тишина.

– Все кругом уважают.

Хоть это правда. Трусам в разведке делать нечего. Кто сам уходит, кому и подскажут.

Ненавязчиво. Солдаты Радогора ценили. У него потери всегда минимальные: соображает. В жизни никого пальцем не тронул без серьезной провинности. Иногда недовольный посмотрит – и от одного взгляда становится не по себе. Даже слова не требуются.

– Чаю? Спасибо, с удовольствием. Только мне задерживаться никак нельзя. Вечером к эшелону обязательно. А...

это... Отличившихся сержантов направляют в военное училище. Да какой я герой! Обычная работа... А? Трехмесячные курсы. Вот прямо здесь, в Ярославле³. Удачно вышло. Если получится, еще зайду. Присвоят младшего лейтенанта – и буду офицер. Сейчас приказ вышел. Вместо временного звания – на ускоренные курсы. Потому что на фронте затишье. Австрияк уже не тот пошел. Выдохся. Даже во Франции не сдюжил. Весной подкрепления подбросят, артиллерию усилят – и пойдем дальше. Три месяца крайний срок, у таких, как я, опыт имеется, а в обучении маршировке мы не нуждаемся. Просто пошлю... Ой, простите... Короче, сплошной отдых – и назад уеду. Да, немножко нарушаю закон. Проездные билеты на всю группу, а я в самоволке. Ну что вы! Мне не трудно. Меня? – изумился. – Да никогда! Не поймают. Надо просто вовремя успеть к одиннадцати вечера. Я расписание эшелонов знаю.

А и задержат – ничего страшного. Отправят назад – так еще и к лучшему, подумал. Мне после войны офицерские погоны не светят, а со своими всегда приятнее служить.

* * *

– Вы все прибыли из воинских частей, уже понюхав пороху. Все награжденные за дела воинские, – проникновенно

³ Ярославль правильно называется Ярославль-на-Дону и находится, естественно, совсем в другом месте, чем в нашей реальности.

вещал майор.

Ян стоял в шеренге вторым справа и старательно пытался не заснуть. Слушать офицера ему было малоинтересно – заранее знал, о чем речь. Так толком и не выспался. Вчера его еще долго пытали всевозможными вопросами, пока он не начал повторяться на манер застрявшей граммофонной пластинки. Ничего удивительного, родственникам все интересно. На счастье пришел отец капитана. Он, видимо, в госпитале насмотрелся и наслушался подобных речей. Зато и сообразил накормить. Даже слегка налил из заначенной с довоенных времен бутылки. Еда была достаточно бедная. Картошка с рыбой, но по нынешним временам и то хорошо. Кто-кто, а приличные врачи не бедствовали. Тому поможешь, этому пропишешь, и кроме карточек еще и дополнительные продукты появятся.

Удачнее всего, что он проводил до самой станции. Дважды попадались патрули, но офицерские медицинские знаки различия сделали свое дело. Майор из мужика никудышный, даже разговаривать, как требуется, не умеет, да ему не на фронте командовать бойцами, а раненых лечить. Все медработники военнообязанные, хорошо еще, в родном городе оставили. Видимо, специалист хороший.

Ян был якобы нужен для перетаскивания лекарств в госпиталь из прибывшего товарняка и находился там на излечении. Отчего и справки не имел, зато врач с виноватыми глазами (совсем врать не умеет) подтверждал его право раз-

гуливать по вечернему городу. Могли и придрататься, однако сошло. Не пришлось лазить через забор. Затесаться в колонну было уже делом техники. Пока по ротам распределяли, вещи в каптерку сдавали, погоны новые (курсантские) пришивали, мылись и получали белье, особо не отдохнешь. В шесть утра подъем, двадцать минут на умывание и построение. Остальным хорошо – они в дороге выпались.

По ротам их распределили старым испытанным способом. Как встали по росту, так и пошли. Училище представляло собою батальон – с батальонным командиром, адъютантом и четырьмя ротными командирами. Две роты из малолеток, которым еще учиться и учиться, и две собрали из подобных ему обормотов, увешанных орденами и медалями. Парни в большинстве уже заранее подобных крикунов ни в шайтана не ставили и мечтали удрать в самоволку на город посмотреть. Попадались и мечтающие о карьере – тут была интересная тонкость. Не окончившим училища на фронте могли присваивать временные звания. Никого более подходящего под рукой нет – ставили на должность с соответствующей записью. После войны такое количество офицеров без надобности, да и платить пенсии накладно, вот и срезали при демобилизации на звание-два. А вот с официальной справкой об окончании военного училища совсем другой разговор.

У каждого ротного командира под начальством было два младших офицера, собаку съевших на обламывании сильно возомнивших о себе. В нормальном штатном расписании

максимум один, но здесь «учебка». Все это прекрасно знали, но основная масса решила с удовольствием отдыхать. Дальше фронта все равно не пошлют. Это они зря так думали. На сотню прошедших огонь, воду и медные трубы контролеров мало, но это армия. Назначаются из своих же курсантов командиры отделений и взводов – будет кому следить за порядком.

– Не просто так прислали вас сюда командиры. Им необходим стойкий костяк в части из сержантского состава. Вы приехали не на отдых! Будете учиться. Поэтому прошу забыть вольницу и отклонения от устава. Строжайшая воинская дисциплина! И молитва! – взвизгнул майор. – Помните: «Я свидетельствую, что нет божества, кроме Аллаха». Только так мы победим!

Ян от неожиданности вздрогнул.

«О Господи! – мелькнуло в голове. – Говорил я, к шайтану это дело. Мне еще фанатика не хватает в начальстве. Крысы тыловые».

Майор понес что-то про дух благочестия и всезнающего милосердного Пророка. Ян окончательно затосковал. Сон пропал, он с интересом сам с собой поспорил – как быстро его вышибут отсюда, и один ли он такой. Достали уже умники. Как призыв – так всех: гражданин обязан служить в армии. А чуть что – одни граждане первого сорта, другие второго. Почему-то первые от вторых ждут великого патриотизма. Научись сначала не считать себя заранее высшим – и бу-

дет тебе уважение. В окопах от этого быстро излечиваются. Там ценятся дела, а не слова. Там еще и атеистов не бывает. Как начнется обстрел, так все вспоминают про молитвы. Не стандартные – от души.

Строй неожиданно заворчал. Негромко, но с нехорошей интонацией. Ага, не только его достал придурок. Ребята все битые, жизнью тертые и бояться краснобаев даже в погонах отучились. В другом месте могли и отделать за милую душу. Охаивания и нотаций особо терпеть не станут. Догадался тоже проехаться по почитанию святых и предков. У саклавитов это норма, никакими проповедями не уничтожить. Коран только кажется достаточно прямолинейным и однозначным писанием – вся тонкость заключается в его истолковании. Реформаторские потуги Кагана слишком многим пришлись не по душе.

Майор понял, что его занесло, и, обращаясь к Яну, требовательно спросил:

– Вы согласны?

Наверное, решил, что как каждый нормальный новобранец послушно подтвердит. Кому охота спорить с начальством?

– Никак нет, – лениво ответил тот, делая наивное лицо. – Мы, католики, очень уважаем святого Георгия. Он тоже военный был.

Он бы этого никогда вслух не произнес, однако образованные правоверные прекрасно и намек поймут. Святого Ге-

оргия изображают побеждающим дракона, и лет двести он в любом костеле в Сибири висит, в обязательном порядке. Кого католики подразумевают под видом дракона, желающий без труда догадается. Но прямо – ни-ни! Традиция. Придаться не к чему.

Сзади обрадованно заржали в несколько голосов. Майор мазанул бешеным взглядом, однако вопить не стал. Понял, каким выставился идиотом. Его тоже можно понять. Наверняка первый случай присутствия в его роте иноверца. В офицерские училища немусульман брали с большим скрипом. Для желающих служить иноверцев были отдельные хазакские воинские училища. Для поступления в юнкерское (потом военное) училище было нужно всего пять классов. А потом, отдал сына в юнкера – теперь он всю жизнь при жалованье, квартире и питании. Бедному человеку это привлекательно, и поток желающих стать офицерами никогда не высыхал.

Слишком большие потери с этого года принято решение восполнять отличившимися сержантами. А среди них очень разные попадают.

Церемонию скомкали, торопливо разведя по казармам. Ян шагал молча, но взвод по дороге бодро обсуждал, когда кормить будут и чем. Недовольных его выступлением не наблюдалось. Отвыкли как-то выслушивать многочасовые речи, и стремительное завершение всех обрадовало.

– Ну и отдай его мне, – сказал спокойный голос сзади.

Майор Шаповалов резко замолчал и развернулся к говорившему. Он как-то упустил в пылу обличительной речи, что в канцелярии они не только вдвоем с надполковником. За столом сидел худощавый высокий мужчина в равном ему звании и изображал изучение личных дел курсантов. Изображал, потому что все равно этим должен заниматься писарь, а сам майор левой рукой писал плохо.

Юнакова он слегка побаивался. Внешне тот никогда не высказывался и не проявлял обычного пренебрежения фронтовика по отношению к тыловикам, ведя себя исключительно корректно, но он невольно начинал приписывать тому свои собственные мысли. Все казалось, что Юнаков к нему плохо относится. Всю войну Шаповалов просидел в училище и сам про себя прекрасно знал, что на фронт не рвался. Вот невольно и возникают мысли соответствующие.

Шаповалов быстро просчитал варианты и решил, что его не подсиживают. Какой в этом смысл? Наверное, попросит потом ответного одолжения.

– Кого взамен? – деловито спросил.

– Да без разницы, все новички. Первого попавшегося возьмешь.

В серых глазах Юнакова была насмешка и невысказанное

пожелание сначала поинтересоваться, правильно ли делает намаз. Шаповалов в очередной раз прикинул, не являлось ли его назначение командиром роты бывших сержантов тонкой интригой по выживанию его с хорошего места, и решил – ерунда. Этот подсиживать не станет. Сразу в морду залепит. Хорошо, что до сих пор их дороги особо не пересекались. Вот и не стоит обострять. Тебе одолжение делают – бери и радуйся. Смутьяны в роте ни к чему.

– Договорились, – дружелюбно улыбаясь, сказал он. – Вот прямо сейчас и займусь.

– Раз такое дело и к всеобщему удовольствию разрешилось – свободен, – прогудел надполковник. При желании он мог не напрягаясь орать так, что весь плац прекрасно слышал.

Шаповалов отработанно вскинул руку к козырьку фуражки, отдавая честь, и поспешно вышел.

– И зачем? – спросил надполковник, когда дверь закрылась. – Это же даже любопытно было, кто кого съест. Я бы поставил на старшину. Ты его сопроводилровку видел?

– Да что там можно понять, – с досадой отозвался Юнаков. – Вот читаю. – Он попытался взять листок бумаги правой, затянутой в черную перчатку рукой и выматерился. – ... Императорова мать, – завершил тираду. – Скоро год как кисть ампутировали, а никак не привыкну. И ведь чувствую ее все время. Будто на месте. Иной раз так дергать начинает, хоть плачь... Не умеют у нас писать нормальные бумаги. Ко-

го ни спроси, бюрократия кругом, на все справка необходима, – а ни шайтана не понять. Просто это кончилось бы мордобоем, или зарезал бы этот Тульчинский нашего красавца. Оно тебе надо такое происшествие? Позор на всю армию. Кстати, Тульчинский от Тулы? Откуда там католики?

– Скорее, от Тульчино, – надполковник поднялся и, взяв листок, уселся на край стола. – Вот из-за таких, как ты, в этих сопроводилках сложно разобраться. Натуральная отписка. Я ж тебя прекрасно помню еще с выпуска. Ленивый до безобразия. Домой письма раз в полгода отправлял.

– Я исправился, – пожав плечами, смиренно сказал Юнаков.

– Врешь, прикрываешься вот, – надполковник кивнул на руку, – а сам не хочешь головой работать. Знаю я эти идеи. Учить надо воевать, а не шагистике и исправлению грамматических ошибок. Это для сержантов правильно. Им через три месяца снова назад. А нашим ученикам еще три года впереди. Старшие курсы и так загнали на фронт. Много пользы там от этих молокососов. Младше уже некуда. Так что смело свои знания внедряй в дубовые головы этих Тульчинских, успевших забыть курс начальной школы, но запросто способных научить и тебя правильной тактике и разметке секторов обстрела. Необходимо проверить, умеют ли они читать карту, и научить правильно составлять донесения. Опытный сержант любого выпущенного из училища офицера воевать обучит.

Он помолчал для внушительности и продолжил:

– Учись, майор, у старых волков бюрократии читать между строк. В жизни пригодится. И так... – Он поднес бумагу к глазам: – Место рождения – поселок Степь. Очень поэтично звучит. Ничего в той дыре наверняка нет, кроме сайгаков и вечного ветра. Понятия не имею, где находится, однако призывался через Харбин. Что и не удивительно. Достаточно ясный намек, даже если не заметить штампика о вероисповедании. Так... Два года армии до войны. Направлен в... вот этот странный индекс обозначает железнодорожный батальон. У нас их было всего три, и туда отбирали на совесть. Что автоматом означает, что не неграмотная чурка, а скорее всего, в технике разбирается. Там не только шпалы таскали – ремонтом все больше занимались. А что не дурак, подтверждают записи о стабильном служебном росте. Младший сержант, сержант, старший.

– Это еще не доказательство.

– Но как бы намекает. Ага. Начальство довольно. Потом погончики срезали, и за что – непонятно только баранам. Параграф и пункт обвинения потом посмотришь. А я без напряжения укажу на неподчинение приказу.

– У нас говорили «непочтение». А это ведь что угодно. Вплоть до уголовщины. А если отношения испорченные, и мелочь какая возможна. Придрался офицер – и под трибунал.

– Правильно понимаешь. Если на втором году службы

своего офицера сержанты посылают, либо он вроде нашего Шаповалова, либо там очень нехорошо пахло. И ведь не посадили, значит, реально нечисто. До трех лет в самой мягкой форме по данному параграфу, а его в звании понизили. Тьфу! Замяли дело. До войны я бы точно телеграмму с запросом отбил и поинтересовался, а сейчас наверняка тех людей на месте нет. Слишком много времени переписка займет. Подробности выяснятся уже после отбытия данного экземпляра на фронт. Просто держим в голове на будущее данный казус. Потом у нас Кенигсберг и награда. По представлению командира бронепоезда. На «Рассвете», чтобы ты знал, две трети погибли, и на восток они ножками выходили. У меня там хороший знакомый служил, из первых рук знаю. А не забыл офицер бумагу написать. Любопытно было бы узнать, как этот подвиг выглядел реально. Тогда ордена не слишком-то давали: отступление. Так... пехота... Ну это понятно. Тогда в строй всех подряд ставили. Почему в разведку? – пробормотал надполковник.

– Это как раз ясно. Пришел офицер и спросил: «Добровольцы есть?»

– Тебе виднее. Ты ж ему ровесник почти? Тоже два года успел отмотать до войны, но еще и училище. На войне люди быстро растут, не то что мы, старые дундуки. В мирное время хорошо в училище. Квартира с отоплением, еда казенная и сто дирхемов ежемесячно. Да еще и каждые пять лет повышение в чине. Скучно, но польза от тебя имеется. Правда, до

генерала прыгнуть не светит. Тупиковая должность. Вот и у нас заметно. Я все надполковник, а ты уже майор. Впрочем, это если не убьют.

Юнаков непроизвольно поморщился.

– Ну ладно, лирика закончена. Продолжаем... Два ранения и возвращение по прежнему месту. Кстати, показатель. Из госпиталя могут сунуть куда угодно – интересно, как оформлялось. Скорее всего, никак. Добирался до своей родной части, и задним числом писалась бумага. Что нам опять же намекает на определенное отношение со стороны начальства. Опять же смотри, как прыгнул. Из дивизионной в армейскую, а очередной орден командующим фронтом подписан. Ценный кадр. Должность вполне себе лейтенантская, а звания даже временного не дают. Почему – объяснять надо? Потенциально нелояльный тип. С такими, наоборот, носиться надо, холить и лелеять с прицелом на будущее, пусть пример являют всем иноверцам, в том числе и служебного роста, а они проверяют, на месте ли крестик. И запись последняя от его прямого начальника, страстно желающего пробить старшине офицерское звание. Двадцать два «языка» лично и в составе группы – это не хухры-мухры. Недаром свои ордена с медалями имеет. Он себе цену знает и на чужие слова с большой высоты поплевывает. Так что поимел ты, голубь, либо большую проблему на голову, либо хорошую опору в роте. Как сумеешь поладить. А я посмотрю. Это тебе тест на профпригодность – сам напросился. Считай, по результатам

будут и выводы. Должно быть у старого человека развлечение?

– Ты еще не старей, – отрицательно помотал головой Юнаков. – Раньше казалось, когда сам курсантом был. Сейчас совсем по-другому смотрится.

– Подхалимничаешь, – довольно сказал надполковник. – Давно уже свои двадцать пять лет честно отбарабанил. Если бы не война, вышибли бы на пенсию без сомнений. А так еще требуюсь. А вообще – да. Я молод душой и бодр. Если бы не приходилось читать многочисленные бумажки, наверняка можно считать, что жизнь прекрасна. Вот недавно очередная поступила. Про некоего офицера Юнакова, прямиком из МВД.

Майор напрягся и сел прямо.

– Твое счастье, что анонимка, и еще большее – что я в своем кресле скоро десять лет сижу. Хвала Аллаху милосердному, всех кругом знаю и могу тихонько договориться. Ну, выпили молодые офицеры, – глядя прямо в глаза, пожурил надполковник, – ну языки распустили. Что они все на голову контуженные и рассуждают про воровство на самом высоком уровне, – так ведь без конкретики, и имени нашего замечательного Кагана и его семьи не порочили. Хотя и стоило бы, – после паузы добавил. – Но что они совсем не отражают, с кем и при ком говорят, – так это ни в какие ворота не лезет. Головой думай! – рыкнул надполковник в полный голос. – Кто там у вас такой весь из себя доносчик нарисо-

вался. Заговорщики нашлись! Идиоты! Распустились! Забыли, как это у нас делается. Кто не доносит – не патриот. За ложные сведения доносчик не отвечает. Делу только потому и хода не дали, что стеснительный тип оказался. Имени не захотел сообщать. Наверняка кто-то свой и прекрасно знает, что вместо повышения получит от меня крупные неприятности. Только я не всесилен, – тоном ниже сообщил надполковник. – Накатает донос в дворцовую канцелярию или просто во Владимир – и легко не отделаетесь. И на заслуги не посмотрят. Выжгут крамолу начисто, да и меня на пенсию: за утерю бдительности. Ты все понял? – спросил с нажимом.

– Так точно, господин надполковник, – деревянно ответил Юнаков.

– Тогда ступай и делом займись. Своими прямыми обязанностями. И не вздумай выяснять отношения публично, с дуэлями и прочими глупостями. Таких давят тихо и без присутствия свидетелей. Без благородных жестов и длинных разговоров. Но только если уверен, что не ошибся. Думай!

1935 год

Я попытался вывихнуть челюсть при помощи зевка и поспешно отложил книжку. Автор, конечно, большой специалист по истории, но я в огромном количестве китайских имен просто тону. Запомнить их куда сложнее, чем любые правила этикета. Кому нужны эти нудные подробности правильного поведения при императорском дворе? Зато экзо-

тика, и сразу ясно – историк не лаптем щи хлебал. Он, без всяких сомнений, вкушал палочками рис.

Циси – это не имя императрицы, на самом деле ее звали Ланьэр (Орхидея). Подлинные имена членов императорской семьи запрещено произносить под страхом смертной казни. И это крайне важно, если удастся забыть, что она уже больше двадцати лет смиренно лежит в могиле. Хотя кто ее знает, может, и пытается потихоньку выкопаться. Вряд ли ей может нравиться происходящее в Поднебесной.

Непонятно – откуда такое странное название? Так нет никакого Китая!

В пятнадцатом веке нередко для Северного Китая использовалось название «Китай» и его производные, а для Южного – Чина (Хина, China). Даже название звучит для европейского уха странно: Чжунхуа Миньго. Китайская республика. Слово China (немецкий и английский – China; французский – Chine) произошло от слова «ча» (т. е. «чай»). Есть еще предположение – от слова «чоу» («шелк»). Ничего более интересного в средневековом Китае не имелось.

Если во внешнем мире Китай выступает как символ абсолютного единства, то внутри страны никакого «единого Китая» не существует. Исторически страна складывалась постепенно как результат слияния самых разных племен, царств, народностей, говорящих на разных языках, имеющих разное происхождение и, как следствие, разные национальные традиции. Поэтому говорить о некоем абстрактном

китайце можно с большой натяжкой.

Упустили мы Китай. Как есть упустили. И отмахиваться, указывая на внутренние проблемы, не стоит. Сложность даже не в происходящем сегодня, а в старательном нежелании позднего Каганата к серьезным контактам с иноверцами. Даже торговля у нас была кривая. Через Маньчжурию и обставленная тысячей сложностей. А ведь был момент, когда вполне могли показать кукиш европейцам и влезть в страну обеими ногами.

Салимов незамысловато продолжил прежнюю политику на Востоке. Правда, Синьцзян с Монголией из протекторатов превратили в очередные русские волости, и Мукденскую провинцию под себя подмяли, но это уже по инерции. Не отдавать же японцам. Чисто на жадности выехали и из желания показать, что с Русью и при новой власти считаться необходимо. Зато закрыли глаза на все остальное, отделяваясь минимальной помощью. Вот и доигрались.

Хотя кто его знает, может, оно и к лучшему. До серьезных столкновений с Микадо так и не дошло. Лезут японцы на юг – попутного им ветра. Все лучше, чем на север. Двадцать лет назад мы бы не потянули серьезной войны, да еще и с англичанами за спиной у самураев. Что ни делается, все к лучшему.

Я захлопнул дверь в купе, закрыл на замок и поспешно направился в сторону вагона-ресторана. Меньше всего хотелось Любку раздражать. Настроение у нее в последнее время

как ветер меняется. То ураган бушует, то ласковое дуновение. Ничего странного. Явный конфликт интересов наблюдается. Мне вот тоже не нравится идея оставить Глеба дома, даже при наличии замечательной бабушки (моей мамы), так давно мечтающей о внуке, что можно не опасаться недогляда и расхлябанности в присмотре. Тащить не дожившего до двух лет ребенка неизвестно куда – та еще морока для всех. Оставалась бы дома, и все в лучшем виде. Так нет же. Отпустить меня в свободное плавание категорически отказывается. Исключительно ехать вместе, как будто я сам себе придумал командировку. Работа у меня такая.

Оно даже приятна такая подозрительность: где-то у Любки в голове крепко засела мысль о моей неотразимости в смысле женского пола. Явных приступов ревности не наблюдается, но стоит слегка задуматься – и сразу заметно. Никуда один не хожу: не пускает. Увы, я уже не мальчик, чтобы бегать за китайками. Да и не нравятся они мне. Маленькие и все, включая самых нищих, европейцев за варваров держат. Можно подумать, их многотысячелетняя история вкупе с Конфуцием создала замечательное государство.

Как же. Еще до Австрийской регулярно все подряд нарежали кусочки от «Великого» Китая. Кому что нравится. Тайвань – Японии, Северную Маньчжурию – Руси, Гонконг – Англии, Циндао – Германии, Дайрен – опять Японии. Даже португальцы Макао хапнули. Также мне великое государство. Это не говоря про всякую мелочь вроде неравноправ-

ных договоров с европейцами, создающими международные сеттльменты⁴ в портовых городах, где они неподсудны императорским властям.

Пока европейцы на фронтах Великой войны увлеченно стреляли друг в друга на западе континента, на востоке случилась революция. «Правящую из-за занавески», что по-китайски означает просто регентство, свергли и, как водится, вместе с семьей не то удавили, не то отравили. Жалельщиков не обнаружилось. Она всех давно достала своей безудержной расточительностью и абсолютным отсутствием интереса к происходящему в стране. Хотя, возможно, это преувеличение революционеров: оправдать себя надо. Не настолько я силен в подробностях тех времен. В одна тысяча девятьсот десятом году я на фронте сидел и не интересовался международными новостями. Все больше был обеспокоен происходящим с той стороны нейтралки.

А сейчас эти вещи представляют собой разве что историческую ценность. Кто был прав, а кто виноват, изучать поздно. Интереснее, во что вылилось. Я ведь не историк, а журналист. Меня волнуют все больше новейшие события. Но чтобы понимать происходящее сейчас, иногда надо и в прошлое залезть.

Вот свергли верховную власть, а дальше? Куда идти и какие реформы проводить? Моментально обнаружилось рас-

⁴ От *англ.* Shanghai International Settlement. Зона под международным управлением.

хождение во взглядах у пламенных революционеров. Общим у них было исключительно желание свергнуть династию. Все срочно принялись выяснять, кто теперь главный. Очень скоро обнаружилось, что все руководители страшно большие патриоты и видят в этой роли исключительно свою любимую персону.

То, что в Китае называлось армией, существовало по территориальному признаку, кроме очень малого количества личных полков императора. Этих разогнали моментально, да они практически и не сопротивлялись. А территориалы подчинялись напрямую губернаторам провинций. И тут выяснилась изумительная вещь. Большинство из них существующее положение, когда не требуется отправлять налоги в Пекин, прекрасно устраивало.

Попытки коалиционного центрального правительства навести хоть какой-то порядок с треском провалились. У него не было ни сил, ни авторитета. Ко всему еще китайцы только называются китайцами. На самом деле только официально в стране пятьдесят шесть национальных меньшинств, а языков (даже не диалектов, а именно языков – группы населения друг друга элементарно не понимают) за две сотни набирается.

Южные провинции и по населению, и по языкам очень сильно отличаются от северных. Пекинец не понимает шанхайца, житель Гуандуна – сычуаньца. Иногда в уездах одной провинции не способны нормально договориться. Они дру-

гие и, естественно, лучше и правильнее. Особенно это заметно, когда отдельные отрасли в промышленности или торговле монополизированы выходцами из какой-то провинции или народности.

По сути, единственное, что объединяет местные языки, – это общая иероглифическая система. Читаются иероглифы всеми без исключения. Это вам не азбука. Язык может отличаться произношением, грамматическими конструкциями, интонациями, а письменность едина. Есть у меня подозрение, что мукденская идея перевести на латинский алфавит письменность в северных провинциях не на пустом месте родилась, а один из наиболее удачных шагов по расколу Китая и постановке северного в нашу зависимость. Через поколение-другое это будет другая нация, и никуда они от Руси не денутся. Правильнее, конечно, на русский алфавит перевести, но слишком уж наши уши торчат будут. И так совсем неплохо. Наряду с религией еще и другое письмо.

Не на пустом месте идея появилась. Изучение иероглифов занимает до пятнадцати лет, и даже после этого назвать человека истинно грамотным сложно. Слишком их много. Движение «Дачжунью», ратующее за использование в письменности алфавита, возникло не на пустом месте, просто вовремя было подхвачено «совершенно случайно» на севере.

А в целом они и без чужого вмешательства вовсе не мечтают жить в одном государстве. То есть, в принципе, согласны, что это замечательно, но лучше когда-нибудь потом. И

фактически во многих провинциях давно жили автономно, изъявляя на словах почтение императорам, но даже не затруднившись оказывать помощь во время войны с Японией или Англией. Как-то это их совершенно не трогало. Китай всегда был разделен на север и юг. Чисто формально граница проходит по реке Янцзы, но в реальности понятия «север» и «юг» очень размыты, они скорее культурные, нежели географические.

Северяне считают себя более развитыми в культурном плане. К южанам они относятся со снисхождением, считают их грубоватыми людьми и бесцеремонными, хитрыми торговцами.

В свою очередь южане считают северян жуткими бюрократами. Именно южные провинции Китая исторически всегда были более развиты в торговом и экономическом отношении: здесь мягче климат, больше портовых городов, рано появились крупные фирмы. Именно сюда впервые пришел в девятнадцатом веке иностранный капитал Революция? Так это ж прекрасно! Теперь и юридически они были вполне самостоятельны. Мгновенно появилось три десятка независимых провинций. Некоторые вежливо выражали почтение центральному правительству, некоторые не затруднялись подобными смешными вещами. Бывший губернатор, очень часто одновременно и генерал, приобрел себе личную вотчину и расставаться с ней не спешил.

Иногда провинции между собой враждовали, иногда даже

воевали. Заключали договора и разрывали их. Это была не анархия, а именно то, чего удалось избежать Руси с большим трудом: раскол. Мы навели порядок при помощи армии и достаточно безжалостно. В Пекине правительство не имело собственных серьезных сил и сделать с губернаторами ничего не могло. Нет, при подходящих условиях сианьцы могли оказать помощь в столкновении с военными из Аньшана, но исключительно если самим выгодно.

Бардак длился почти десять лет. Даже пробовали нашу Маньчжурию на прочность. А потом японцы окончательно переварили Корею. Аннексировали они ее давно, еще по договору с Русью, проводившему границу по реке Туманьцзян, превратившейся в русском произношении в Туманную, до реки Сунгари. Но сразу развиться не получалось. А тут такое подходящее время и ситуация!

Парочка удачных провокаций – и в ответ на происки китайской военщины самураи перешли границу. Началось упорное продвижение на юг. Для начала Фушунь, Ашань. Почти год возились, но сломали местных сепаратистов. Аппетит приходит во время еды. Эскалация шла по нарастающей. Даже многочисленные губернаторы провинций сообразили, чем пахнет японская «совместная зона процветания». Пример Кореи и оккупированных провинций был очень нагляден. Никаких самостоятельных местных организаций там не осталось, и шла безжалостная эксплуатация на пользу метрополии.

Чтобы совсем сомнений ни у кого не осталось, японцы высадили десант в Кантоне на юге и двинулись на севере в сторону Пекина. Западные державы, занятые собственными послевоенными проблемами, а позднее и общемировым кризисом, как-то очень неубедительно протестовали, больше заботясь о сохранении собственных привилегий и недопущении перекидывания военных действий в Индокитай и другие свои азиатские владения вроде Гонконга. Японцы в очередной раз гарантировали целостность имущества иностранных компаний и продолжали двигаться на юг. Возле Кантона дело застопорилось, но их пока в том районе интересовал в основном порт. Разбрасываться на несколько направлений они не стремились.

Война длилась, длилась и длилась. Лучше обученные и вооруженные японские части против намного более многочисленных, но не слишком стремящихся воевать китайских соединений. Даже при общей для всех угрозе южные провинции вовсе не спешили на помощь северным и уж совсем не горели желанием подчинить свои войска и административные органы Гоминдану (Народной партии), сидевшему в Пекине и претендующему на право говорить от имени всей страны.

К одна тысяча девятьсот двадцать девятому году японцы вышли на реку Хуанхэ и остановились. Слишком много времени и усилий было потрачено на захват территорий. Слишком много нелояльного населения осталось в тылу. Несмотря

на крайне жестокое обращение с покоренными китайцами, а может, именно из-за него происходили постоянные вспышки восстаний, и доход от новых земель оказался не столь уж значителен.

Чрезвычайно дорого обходилось содержание армии. Появилась мысль устроить марионеточное правительство во главе с малолетним императором, но тихо скончалась. Как и попытки создания местных полков с японскими офицерами. После неожиданного восстания с большими жертвами в Цзанчжоу замордованной самурайскими офицерами китайской солдатской массы идея создания вспомогательной армии была зарезана на корню, зато режим оккупированных территорий стал еще более жестоким.

В Японии шла упорная борьба между несколькими группировками. Даже теоретически в середине двадцатых серьезных противников не имелось. Русь приходила в себя и не рвалась на юг. Англия и Франция устали от войны и стремились сохранить статус-кво. США обладали серьезным потенциалом, но в военном смысле в соперники не годились. Слишком там были сильны изоляционистские настроения.

С другой стороны, не имея собственных значительных ресурсов, Япония крайне нуждалась в захвате чужих. С этим соглашались все спорщики в Токио. Разница в подходе была – куда направить основные усилия. Великобритания уже настроена не столь дружелюбно, слегка напуганная размахом японских устремлений. Прочие державы опасались за свои

владения и в случае резких движений могли объединиться против Страны восходящего солнца. Лучший вариант – продвижение на юг Китая. Данная точка зрения победила, и совместным ударом из Циндао, отобранного у австрийцев еще во время Великой войны и превращенного в военно-морскую базу, несколькими пехотными дивизиями, форсировавшими Хуанхэ, был оккупирован весь Шаньдунский полуостров. Начался новый раунд японо-китайской войны.

Кому-кому, а мне там находиться самое время. Неизвестно что говорят в вершинах дипломатии (на самом деле прекрасно известно, но это их работа наводить тень на плетень), но, не сообщая об этом открыто, Русь не первый год поставляла Гоминдану оружие по дороге из Синьцзяна. По самым что ни на есть льготным расценкам. Кроме того, на китайской стороне присутствовала масса так называемых русских советников, обучающих армию и оказывающих всевозможные услуги. От модернизации предприятий до разведки. Сейчас это было в общих интересах. Чем больше у Японии сложностей, тем лучше. А Нанкинское (сбежавшее из захваченного Пекина) правительство вынужденно закрыло глаза на Мукден и аннексию Внутренней Монголии. Японцы гораздо опаснее.

Вообще есть своя прелесть в известности. Тебя просят отправиться и компетентно осветить происходящее. Не приказывают, а уважительно просят. И даже согласны оплатить много чего, включая приятное путешествие с женой в мяг-

ком вагоне с двухместным купе. Правда, на пароходе попутно заглядываешь за границу, но мне ее и раньше хватало. А по железной дороге поездка занимает шестнадцать суток вместо тридцати пяти по морю. Не то чтобы особо имелось куда торопиться, но устаешь от дальней дороги. Дорогу через Синьцзян еще не скоро построят. Если вообще когда-нибудь раскачаются. Слишком дорогое удовольствие. А было бы прекрасно. Пара недель – и в Китае. И не пришлось бы делать огромный крюк через Маньчжурию и японские территории. Но оно и к лучшему. Плюхаться в гущу событий надо постепенно. Без легкой адаптации не обойтись.

Есть в моей работе маленькая тонкость. Хороший журналист связи нарабатывает годами. Интересные новости не падают на голову постоянно. А разбираться в местных делах крайне необходимо, чтобы не выставить себя дураком и не кушать дезинформацию от заинтересованных лиц. Лучше всего знающим местные языки, а с ханьским у меня туго. Вернее, совсем ни бум-бум. В гуще народа не поворачиваешься, и вообще на Дальнем Востоке бывал исключительно наездами. В прошлый раз заехал в Шанхай, и кроме борделя... м-да... об этом лучше не вспоминать даже в отсутствие жены. Непременно учует. Нюх у Любки на это дело.

Значит, лучше привлекать местных жителей для корреспонденций? Прекрасно знающих язык, традиции и порядки? Тоже не всегда. Однобокое освещение событий получается. Представляю, что бы понаписали немцы в статьях про

своих руководителей. Или бесконечную хвалу, или бесконечную ругань. Нам, посторонним, проще. Если и есть собственные взгляды на действительность, писать правду легче и приятнее.

Так, а это что за дела? За нашим столиком, нагло нарушив конфиденциальность, восседал что-то вещающий моей жене пожилой гражданин с орденом «За заслуги перед Отечеством». Награда была из современных, утвердили уже при Республике – и сразу видно, какому именно Отечеству пользу принес. А статут очень высокий. За все годы всего пару сотен выдали. Это кто ж такой, интересно?

Любка внимательно слушала разглагольствования. Видимо, пришло и мне время вспомнить про честь семьи и срочно подозрительного типа застрелить. Его абсолютно не извиняет, что ресторан весь занят и свободных мест не имеется. Пистолет вот остался в чемодане, ну да ничего. Один мощный хук⁵ – и вынесут на кладбище. Гражданин не смотрится опытным бойцом.

– Карпов Фазиль, – вставая при виде меня, представился.

Складываем орден, замученный неустанными трудами вид, добавляем возраст и фамилию – картотека в голове автоматически выбрасывает справку.

Бывший заместитель министра внутренних дел. Очень широко известный в узких кругах деятель. Причем с самой лучшей стороны. Написал не то в пятнадцатом, не то в шест-

⁵ Боковой удар.

надцатом году единственное в своем роде и пользующееся даже сейчас огромной популярностью руководство для судей по новому уголовному и гражданскому праву. Десятки тысяч судей были бы беспомощны, если бы не имели возможности проконсультироваться в справочнике. Старые законы тью-тью, новых никто не знал, а тут подвалила классная шпаргалка. Первую пару лет за одно преступление в разных концах страны могли навесить совершенно разные сроки. Да еще и «глубокое» знание юридических основ нашим патристичным, но необразованным в данном смысле офицерством.

Широкой публике остался малоизвестен – очень не любил вылезать с речами и вечно копался в бумагах и юридических тонкостях. За что сняли, не понять. Официально – по болезни. Неофициально – кто-то пытался утопить, приписав взятки, но никто из вращающихся в осведомленных кругах не поверил. Всю жизнь был болезненно честен и капиталов не нажил. Да, запятнанная репутация дело такое. Нашлась причина – и попросили на выход. Оно и понятно: возникла новая поросль, стремящаяся делать карьеру, и старик начал мешать. Засиделся в кресле слишком долго.

– На отдых едете? – вежливо спрашиваю в некотором недоумении.

Как-то не приходилось слышать об отдыхающих в Сибири. Курорты все больше в другой стороне. Сибирь у нас, по новым веяниям, место, богатством которого будет прирастать Русь. Разработка месторождений всего на свете и непре-

менно связанные с этим электростанции, расширение транспортных сетей и новые люди, энергично строящие Магнитку, алюминиевые комбинаты и еще много чего. Только особо наивные не понимают, что таким образом еще и заселяются огромные пространства, разбавляя местных старожилов приезжими из перенаселенной европейской части страны.

– Работать, – смущенно сознался Карпов. – Дальний Восток – очень интересное образование в свете юридических сложностей.

Любка улыбнулась мне под стук расставляемых официантом (половой – это устарелое понятие из прошлого режима) на столик тарелок. На нее в обязательном порядке напялю паранджу. За границей можно. Бдительное государево око там слегка слепнет. В конце концов, нельзя оставлять ни на минуту без присмотра. Обязательно рядом обнаружится импозантный мужчина. Этот еще ничего. Старенький и, кроме авансов, ни на что не способный. В Ярославле и Владимире я неизменно фиксировал по соседству офицеров самого разного ранга – от полковников до юнкеров. Еще болтался рядом фабрикант с очень серьезными деньгами. Вечная проблема с молодой и красивой женой. Не понять, с чего это она меня вечно ревнует, а я должен делать вид, что все замечательно.

– Юридически интересно? Может, его уволили за психическое состояние, подумал с тревогой. Тогда зря не начал знакомства с хука. Вдруг кинется и кусаться начнет?

– О, – оживляясь и забыв про ложку, воскликнул дедушка, – что вы знаете о Сибири в свете юридической науки?

– А это наука? – осторожно спрашиваю.

– Наверное, – не слушая вопросов, явно заводится не хуже моих лекторов в университете, – вам кажется все легким и понятным. Есть закон – требуется выполнять. Не так все просто! Вот при Каганате самими трудными и сложными делами были вовсе не споры с иноверцами. Хуже всего были имущественные вопросы, связанные с суннитами. В своде законов почти не имеется постановлений, касающихся их, однако политика русского правительства в отношении сект имела сложную и запутанную историю. Законы менялись в разные годы при правлении сменяющихся каганов, но неизменным оставался принцип весьма условной терпимости. Со временем сунниты стали частью народа, но эта терпимость не должна была проявляться наружу, чтобы не поощрять развития. От политики преследования власти перешли к системе закрытия глаз. Существовал даже особый сборник секретных постановлений, которыми необходимо руководствоваться администрации. И никто из просителей никогда не знал результата обращения в суд. Все зависело от знаний конкретного чиновника и его желаний разобраться, – он довольно рассмеялся.

Еще и от размера взятки, мысленно продолжаю. Поэтому в официальные суды очень редко ходили. Предпочитали все решать через муллу и общину. Разве что дела о наследовании

и споры между иноверцами.

– Но мы живем не при Каганате уже давно, – делаю попытку направить мысль в другое русло, говорю вслух. Как-то не хочется выслушивать про громкий процесс сорокалетней давности.

– А! Вы правы, – с большим усилием слезая с накатанной колеи, соглашается, – но вы и не правы! Закон сейчас един для всех...

– И в этом ваша немалая заслуга, – льстиво поддакиваю.

– ...Но и сейчас осталась масса проблем. Вы себе не представляете, насколько сложных!

Ага, понял я. Можно приступать к питанию. Лекция будет продолжаться независимо от наличия слушателей. Угрозило меня наступить на любимую мозоль.

– Сибирь в юридическом смысле состоит из нескольких частей. Земли Вольных войск, но!.. – Он поднял палец, обязуя нас сконцентрировать внимание.

Великая новость. Я послушно кивнул и посмотрел на Любку. Она подмигнула и показала, не особо скрываясь, на тарелку – мол, продолжай.

– На этих землях проживает несколько категорий граждан с разным статусом и разными правами. Есть поселенцы и коренные жители, тоже различающиеся по статусу. И кроме того, есть Туркестан Западный, Восточный и Южный⁶. В

⁶ Туркестан – территории в Средней и Центральной Азии, населенные тюркскими народами. К Западному относились русские владения в Центральной Азии и

Западном очень много конфискованных после мятежей земель. Да и в Восточном хватает. А ведь на передаче в новые руки территории пастбища или поля проблемы не заканчиваются. Старый владелец мог иметь обязательства и долги перед соседями и даже государством. И не всегда это сходит гладко. Люди пытаются получить свое.

Впрочем, – пожевав губами, добавил, – организации тоже. ХазакИ очень часто требуют вернуть задолженность либо у нового владельца, либо прямо у государства. И начинается сложный процесс. Главное зло бюрократии – это когда одним и тем же вопросом занимается множество учреждений и лиц, руководствующихся неизвестно чем. Сплошь и рядом бывали случаи, когда, пройдя множество согласований, дело возвращалось в первоначальное ведомство, разбухнув до нескольких томов резолюций и справок. И его намного сложнее ускорить и правильно разрешить.

– И как решаются подобные казусы? – невольно заинтересовался.

– По-разному. От суммы зависит, от сроков, прошедших со времени образования долга, и от того, кому принадлежит. Там иногда шайтан ногу сломит в бумагах. Особо умные долгами рассчитывались в первые годы. Взаимозачеты. А иные даже скупали чужие обязательства, надеясь получить у государства. Оно не настолько доброе, но все бывает. И все плачут и жалуется на несправедливость. Это ведь в теории по-

лучен участок земли. А реально дом сожжен, инвентаря нет. Соседи не слишком рады... Если остались соседи. Были места, где всех подряд рубили или изгоняли. Не суть важно... Освобождали поселенцев на пять лет от налогов, а они все жалуются на плохие условия и бездушность властей. Вот и создали комиссию. Дабы привести все это безобразие к единому знаменателю. Земельный кадастр уточнить – давно пора прекратить дублирование функций разными ведомствами и разобраться, кому и что принадлежит. Снять вопросы навсегда.

Жуть, кивая, мысленно прикинул. Он что, настолько зарылся в свои бумаги, что совсем не подозревает, куда его макнули? Да за ним полк охраны следить должен. И за каждым членом комиссии обязательно. Это же Азия-матушка. Взятки еще ладно. Даже хзакаов можно перенести. Они почти законопослушны. Что у половины арендаторов в Маньчжурии никаких документов на право обработки участка никогда не было, еще ничего. Все на словах решалось и обычно без эксцессов. Зачем ссориться, если вместе государству фигу показывают, не фиксируя взаимовыгодных экономических отношений и ничего не уделяя фискалам в качестве налогов? Совсем неплохо от десятины до четверти дохода поделить, а не отдавать в центр. И даже что они табуны на выпас гоняют в Монголию – терпимо. Подумаешь, иногда случаются мелкие нестыковки. Как на ярмарке, когда с китайскими купцами что-то не поделили, всей станицей оби-

делись и, переправившись через реку, разгромили поселок с той стороны границы. Попутно пограбили купцов. Пусть скажут спасибо – не застрелили. Это мелочи жизни, к земельным владениям отношения не имеют.

А вот этот... Дияр Ильясов... Не дай Аллах милосердный с ним всерьез сцепиться. Великий человек, без всяких шуток. В древности запросто Чингиз-ханом мог бы стать. Начиная чуть ли не нищим пастухом. Мало-мало грабил, в войну в азиатской кавалерийской дивизии служил. Там кто хочешь имелся. Туркмены, киргизы, уйгуры, монголы. Вышел на дембель с серьезным военным опытом и двумя десятками товарищей, не забыв прихватить оружие. Мозги, видать, всегда имел. Как безобразия начались и сарты поперли на русские поселки, первым пришел на помощь и джигитов привел. И не подвел. Реально уйгуры на русской стороне сражались под его командованием. Хорошо о нем отзывались. Всегда был к услугам властей.

А вот потом, через несколько лет, всплыли любопытные подробности. Не просто уничтожал повстанцев и наводил русских и казаков на погромщиков. Очень целенаправленно все проделывал. Кроме его уйгуров, в тех местах остались исключительно вовремя поцеловавшие пыльный сапог новоявленного хана. Такие огромные земли под себя подмял! Половина Синьцзяна ему платит, и с местными русскими чиновниками в самых лучших отношениях. Правитель территории по размеру со среднее европейское государство вроде

Швейцарии или Фландрии.

Его даже КОП⁷ всерьез прищучить не пытался. Любые попытки его тронуть неизбежно приведут к борьбе за власть между местными киргизами, дунганями, уйгурами и монголами. Причем есть еще и противоречия между самими уйгурами. У них два издревле враждующих центра – Хотан и Кашган. Подобная обстановка будет непременно широко использована англичанами для расширения своего влияния в Синьцзяне и создания угрозы нашим интересам. Придется вводить войска и давить мятежи. Кому это надобно?

Вот и не трогают хана. Так, поклевали по мелочи, но на конфликт КОП не пошел. Себе дороже потом усмирять племена. Хан прекрасно знает границу, которой переступить нельзя. С Русью не ссорится. А что контрабандой занимается и всех в округе в кабалу загнал – так кого волнует? Налоги платит исправно, на чужаков его люди законопослушно стучат или привозят прямо в полицейский участок связанными. Зачем ему конкуренты в той же контрабанде? Еще и в «Движении за национальное развитие» местным лидером состоит. Со всех сторон правильно обставился. Явятся тут к нему люди с проверкой. Много им скажут: они-то уедут, а дунганам с уйгурами и дальше жить под ханом.

О! Это же классный сюжет для сценария очередного киношного боевика. Как я раньше не догадался. Даже для двух. Один для Варшавера, вскрывающего загнивающие язвы ан-

⁷ Комиссия охраны порядка.

глийского империализма. У нас подобные типы не водятся. Залезть в гарем, соблазнить красавицу... Нет, лучше красавиц. На их соперничестве хорошо смешную сцену сделать. Украсть казну и, отстреливаясь на скаку, умчаться к родным березкам. А местные дехкане, начитавшись «Красной Звезды», выпавшей из кармана разведчика, и воодушевленные видом русского знамени, поднимаются на восстание. Обязательно в белых рубашках и с вилами. Так толпой и бегут, втапывая грязными ногами нукеров и попутно английского резидента в землю.

Второй – про местные дела еще тех времен. Басмачи, прорывающиеся в Китай от доблестных копов вкупе с добровольцами, и предатель в рядах. Суннит, хе-хе. Главный герой обстоятельный, серьезный мужик, тщательно выполняющий свою работу. Сам из средней полосы Руси, и эти степи с пустынями давно у него в печенке сидят. Он бы лучше домой съездил, да не может никак бросить незаконченного дела. Мало, что ли, я таких реально видел... Вот напьюсь как следует и забацаю. Сколько мне уже морочат голову сделать еще одно продолжение.

– Извините, что? – переспрашиваю. – Ах, да. Действительно безобразие.

Кладезь сомнительных историй, господин Карпов. Жаль, на боевик не пойдет. Не те персонажи. Начали строить под Иркутском кирпичный завод, в связи с нехваткой средств (грянул кризис) заморозили стройку. Государство не рва-

лось брать продолжение стройки на себя, частники опасались. Почти год стоял объект, пока не нашелся желающий. Некий Смаутин. Странная фамилия. Ну чего на свете не бывает. На юге Руси попадались мне Синепузый с Криворотовым – и ничего особенного.

Бизнесмен предлагал выгодный проект: его фирма приобретает недостроенный завод, доводит его до кондиции, еще и дополнительно переработку лесоматериалов организует. Администрация Иркутска в лице начальника отдела промышленности и его заместителя предложила Смаутину заплатить «за хлопоты». Денег тому было жалко, и, пообещав на словах, он получил договор купли-продажи и спокойно удалился, ничего не заплатив. А когда напомнили, пошел даже не в полицию, а КОП, в отдел по борьбе с экономическими преступлениями, и вымогателей отправили еще севернее – на лесоповал трудиться. Прекрасный конец. Звучит финальная мелодия. Ан не очень. Последовало продолжение. Новые чиновники отдела возбудили дело о заниженной продажной цене, и теперь уже на правдолюба завели уголовное дело. Эти чиновники-упыри всерьез обиделись. Не за товарищей – видали они их во всех видах, – а за обман. Обещал – плати. А жаловаться не следует. Завод стоит, Смаутин бегаёт по судам. Проще было взятку дать.

– Как вы можете? – взвился честный юрист. Я понял, что последнюю фразу произнес вслух. – Это... Это... – Он не находил слов.

Я почувствовал искреннее раскаяние. Наверное, уши покраснели. Пора было смываться.

– В Дальневостоке в экономическом отделе есть Мурат Клычков, – поспешно говорю. – Он может многое подсказать по реальной обстановке.

– Да, он тоже изъявил желание поработать в комиссии, – слегка успокаивается Карпов, – а вы откуда с ним знакомы?

– Приходилось встречаться, – уклончиво говорю.

Слишком долго объяснять. Еще один идеалист. Не оскудела на них земля русская. Я таких людей старательно коллекционирую: с ними хорошо иметь дело в серьезных делах. Не по корысти, а от обиды на тупых чиновников запросто способны много чего порассказать интересного. А вообще в ляшском выводке их с десятков. Умеет Тульчинский подбирать сотрудников. Жаль, не смог выяснить, куда он подевался. В Особом округе нет, и еще парочки его приятелей тоже. А остальные никуда не делись и темнят. Было бы что плохое – не скрывали бы. Непонятно.

– Господа, – торжественно заявил начальник вагона-ресторана, появляясь перед публикой в самом что ни на есть парадном виде. Не стандартный белый халат, а пиджак с карманами и блестящими пуговками. – Мы подъезжаем к крупнейшей русской ГЭС – Братской! Из окон вагона открывается прекрасный вид. Железная дорога проходит по самой плотине.

Народ перестал жевать, и многие поднялись посмотреть.

Любка тоже. А мне как-то не слишком интересно. Вот если бы этот деятель сообщил о возможности понаблюдать за диверсантами, подкладывающими взрывчатку, я бы первый побежал. Читателей необходимо заинтересовать красочным описанием героических будней охраны. А про плотину и ГЭС кто только не писал!

Крупнейшая электростанция страны, обеспечивающая регион, да еще и построенная навыrost, в расчете на увеличение потребности и расширение уже существующих алюминиевых и металлургических комбинатов. Расчет не больше не меньше, как на скорое первое место в стране по выплавке алюминия. Больше самолетов хороших и разных. Уже попутно строятся небольшие заводы по обработке алюминия: листопрокатный, алюминиевой проволоки и алюминиевого порошка.

Заодно и лампочки по всей округе загорелись – чистая правда. Подключили к единой энергосистеме – и пошло дешевое электричество в Южную Сибирь, Маньчжурию, Туркестан и на Дальний Восток. Тоже хороший стимул для развития. Для людей – работа, для частных компаний – государственные заказы. На фоне мировой депрессии немаловажная вещь. Из дотационных районов они постепенно превращались в очень важные в хозяйственном отношении.

Восемь лет стройки, начиная с принятия решения и подготовительных работ. Тоже своего рода рекорд. И все эти миллионы кубометров земли, бетона и десятки тысяч рабо-

чих часов – без обмана. В инженерном смысле сложнейшее и страшно дорогостоящее сооружение. Автомобильная и железная дорога по гребню плотины – супер-идея, заодно превращающая город в важнейший центр коммуникаций, связывающий европейскую и азиатскую часть страны. Не дураки проектировали.

Вот только есть куча мелких деталей, о которых не трубили в газетах и по радио. Больше сотни населенных пунктов залило, и пришлось двенадцать тысяч человек переселять – это, в конце концов, не самое страшное. На Волге такую машину отгрохать или на Дону – там речь вообще про сотни тысяч пойдет. И ведь просто пинка под зад местным жителям не дашь. Компенсации, новые земли, да просто масса недовольных. По ДнепроГЭСу видно. Вечная проблема. Все хотят жить хорошо, и даже еще лучше и комфортнее, но никто не хочет поступиться ради остальных своим куском. Я и сам такой, чего лукавить. Лучше пусть другие потеснятся и помучаются.

Так что место выбирали не зря. И людей не сильно много жило, и разведанные полезные ископаемые недалеко. Зато и строительство дороже. В глушь стройматериалы и работников доставлять, да еще и обустраивать приходится. Климат не очень, но мы, русские, морозоустойчивы.

Наверняка хорошо считали. Кто там сидит в управлении планирования, недаром хлеб едят. Проект всегда по конкурсу идет, и тщательно проверяют финансирование. Лишних

денег на Руси отроду не имелось. А что потом все равно идет удорожание – так заранее в голове держат коэффициент поправки.

Гораздо важнее, что опыта строительства столь крупных объектов у нас не было. Даже ДнепроГЭС уступал серьезно размерами, и к его проектированию пришлось привлечь американцев. Столь полезный опыт применили и здесь. Пригласили американских специалистов и под вывеской Русский Гидрострой (РУГ) они прекрасно поработали, о чем не сообщалось публике. Не стоит ее смущать подобными подробностями. Как и размерами американских ссуд на нашу индустриализацию.

Впрочем, как и рассказывать про турбины. Их тоже заказывали в США. Пока стоят три, еще три проходят подготовку, а насчет последних трех есть амбициозный проект сделать самим. Насколько это реально, представления не имею. Я военный корреспондент, а не специалист по гидротехническим сооружениям, но время терпит. Даже все шесть работающих турбин для Сибири сегодня много, и на проектную мощность Братская ГЭС выйдет не скоро. Теоретически производственные помещения предусмотрены аж на восемнадцать, но я подозреваю, что это дань нашей вечной гигантомании. Мало нам крупнейшей плотины – захотелось еще и первую в мире ГЭС. Лет тридцать пройдет, пока все эти киловатты понадобятся.

Да разве только здесь иностранцы отирались? Совет эконо-

номического планирования не даром хлеб ел. Хорошо все просчитали и с дальней перспективой. Очень уж привлекательным был российский рынок, на который так долго и упорно их не пускали при Окаянном. Первоначально инвестиции (не все, но 60–70 %) направляли в легкую, пищевую, текстильную, горнорудную промышленность, в геологоразведку, в разработку золотых месторождений, добычу нефти. И только спустя 3–4–5 лет начали потихоньку ставить и тяжпром. Но уже вдумчиво. Анализируя все предложения. Проводя тендеры. Отбирая поставщиков на лучших условиях.

Индустриализация на Руси была задумана до Депрессии и без какого-либо ее возможного учета (ибо никто о ней заранее не знал и знать не мог). Какое оборудование поставлялось? Верхушка айсберга – это прокатные станы всех видов. Это прессы. Обжимные станы. Доменное оборудование. Клетки для станов, рольганги, масса машиностроительного оборудования – по сгибке листов и т. п. Вес каждого из этих агрегатов – не одна тысяча тонн металла. Прокатный стан крупного металлургического завода весит с учетом дополнительного оборудования десятки тысяч тонн. Наконец, поставлялись краны, экскаваторы, конвертеры, станки. Что такое станок, допустим, простейший фрезеровочный? Это несколько сотен килограммов металла. А ввозились десятки тысяч таких станков. Очень помогло наличие репараций из Австрии. Золото ехало через Русь и уплывало в США или даже назад. Зато не пришлось вводить дополнительных на-

ЛОГОВ.

Профессионалы, приглашенные на работу Салимовым (ну, пусть его подчиненными, но правильных людей еще отобрать надо – и тех, и других), не стали тут изобретать велосипед, а пригласили на руководство проектом Магнитки американскую компанию Arthur McKee, которая «взяла обязательства подготовить строительный и технологический проект с полным описанием и спецификацией оборудования, станков и механизмов, передать советскому заказчику свой производственный опыт (патенты, ноу-хау и проч.), прислать на Русь квалифицированных специалистов для наблюдения за строительством и пуском объекта, разрешить советским инженерам и рабочим осваивать производственные методы компании на ее предприятиях, а также координировать поставки оборудования для Магнитки».

Фактически Магнитка – это модульное предприятие, скопированное почти один к одному с завода компании US Steel в штате Индиана. То есть Русь получала уже готовые заводы, которые централизованно планировались, проектировались (той же Albert Kahn, Inc.), снабжались оборудованием, технологиями и так далее.

С США у нас прекрасные связи, не хуже чем с Германией. Около двух тысяч американских фирм заключили соглашения с русскими внешнеторговыми организациями. Полным-полно совместных компаний. Да, часть прибыли уходит, но это уже зависит и от соответствующих законов. Вкла-

дывать деньги при нашей дешевизне совсем неплохо. И многая продукция выглядит и является на самом деле копией американской.

Некоторые их фирмы оказывали услуги целым отраслям. Так, Radio Corporation of America налаживала производство радиоаппаратуры, General Electric содействовала развитию электротехнической промышленности и поставляла оборудование ДнепроГЭСу. 70 % его было изготовлено в США. Поднимать химическую индустрию помогала компания Dupont de Nemours. Опять же за свой жирный кусок. Зато и мы получили возможность расширять внутренний рынок и хоть слегка залатать дыры в сельском хозяйстве. Удобрения с неба не падают.

М-да... И во всей этой истории с Братском, кроме декларируемых с высоких трибун лозунгов о повышении благосостояния народа и увеличении уровня жизни (что близко к правде, хотя Салимова больше интересуется производство алюминия для самолетов и развитие промышленности, а не чьи-то нужды), имеется еще тонкий политический расчет.

Город Братск основали четыре с половиной столетия назад братчики саклавитов. Тогда это, естественно, был не город, а небольшая крепостица, представляющая собой опорный пункт по обложению ясаком местного не слишком многочисленного населения и играющая роль миссионерской миссии. Последнее не очень удалось. Здешние племена до сих пор в основной массе язычники. Захолустье. Пока не на-

чали в Сибирь загонять ссыльных поляков, бывших солдатских детей, со временем превратившихся в казаков, и гораздо позже на Алтай русских переселенцев, ничего особенного не происходило.

Огромные территории Сибири и Туркестана заселялись изначально в массе отнюдь не русскими крестьянами. Те все больше шли на юг – на Дон, Северный Кавказ и в Закавказье. Правильной организации заселения свободных земель никогда не существовало. Не препятствовали власти – и ладно. Не всякий сорвется с привычных мест и поедет в неизвестность. Да еще и в другие условия, к которым необходимо приспособливаться с нуля.

Орошаемое земледелие в Туркестане и хлопок русским крестьянам неизвестны. Другое дело тучные земли на южном направлении. Туда народ двигался с охотой, соблазненный еще и налоговыми льготами.

А вот теперь население одного Братска выросло за считанные годы в семь раз, и скоро до сотни тысяч дойдет. А это все больше вербованные из европейской части, в основном разорившиеся из-за кризиса крестьяне. Демографический баланс серьезно сдвинулся, и на карте страны появилось место, населенное большим количеством саклавитов, которые есть русские, а не пришлые или инородцы. А будут развиваться Туркестан с Дальним Востоком – и туда поедут.

Жизнь здесь достаточно тяжела, и работа была не для белых ручек. Зато появилась прекрасная возможность для

приложения любых планов. Государство в эти дела почти не вмешивалось, и переселенцы из разряда хорошо соображающих очень быстро нашли себе занятия. По мере развертывания огромного объема работ, в программе государственного развития края появлялись все новые пункты. Рыбное хозяйство, сельское, городское планирование, создание дорог и развитие существующих. А это все рабочие места.

Богатство края подтверждалось недвусмысленно и видом из окон. Вдоль железной дороги тянулись сжатые и покрытые золотистыми снопами хлеба поля. Повсюду на станциях кипела работа: горы разных товаров ожидали очереди отправки к местам назначения. Тяжело нагруженные поезда перебрасывали на запад бесконечные эшелоны с продуктами труда сибиряков – масло, кожи, мясо, хлеб, скот, лес и прочее, и прочее...

Кроме заводов, появилось огромное количество строительных, деревообрабатывающих, продовольственных мелких предприятий. Люди строятся и нуждаются во многих вещах. Проще всего производить на месте. Правительству только нужно, играя на экономических льготах, поощрять важнейшие направления развития. Без еды и жилья на второй год стройки никто не остался. Пекарни, мясобойни, пивзавод и рыболовецкие артели росли как грибы. Предприимчивых нашлось много. А там подтянулись и другие, серьезные компании. Уже строится большой целлюлозно-бумажный комбинат (леса вокруг много), химические предприя-

тия, и даже появились собственные газеты и радиостанция.

Братск без учета государственных заводов уже производит до двадцати процентов продукции Иркутской губернии. И город продолжает расти, люди едут по вербовке и получая письма от знакомых. Они везут сюда своих детей и свое будущее. В городе открылась целая сеть профессиональных и просто школ для малолеток. Это направление с самого начала военные власти взяли под строгий контроль. Где еще рождается социальная революция, как не за школьной партией? Именно там и воспитывается уже второе поколение прогрессивных молодых людей. Школы целенаправленно внедряют в сознание учащихся желание развивать свою страну. Обновляющемуся обществу необходимы предприимчивые (инициатива, направленная на общее благо, постоянно поощряется), эффективно работающие (получение квалификации и образования в соответствующих учреждениях) и патриоты.

Вообще по части развития электроэнергетики у Салимова явный пунктик. Уже через год после переворота был принят закон о принудительном объединении всех частных экономических компаний в несколько концернов. Лет через десять началось включение в единую энергетическую сеть, чему немало способствовали строительство Днепровской и Волховской ГЭС. Теперь еще и Братская. Сделано отнюдь не по простоте душевной. Государство установило прямой контроль над тарифами и могло выдавать дополнительные льготные квоты определенным направлениям развития. А

где удешевление энергии, там и развитие промышленности.

Даже во время кризиса мы умудрились не просто увеличивать производительность труда, но еще и повышать качество продукции. Сырье на экспорт составляло не больше трети, все остальное шло готовой продукцией.

Мы к началу тридцатых годов самостоятельно удовлетворяли большую часть потребностей страны в машинах и оборудовании. Если привозной трактор стоит семь сотен в долларах, да еще таможенные пошлины, а собственный по фордовской лицензии – четыре, максимум пять, – у кого выгоднее взять? Качество только вначале было хуже. На экспорт отправляют в лучшем виде. Это на Руси всегда закон – иностранцы получают лучшее. Иногда даже противно. На себя работать в первую очередь необходимо, но валюта для страны потребна.

Иностранцы крайне удивлялись значительному повышению квалификации рабочих, инженерно-технического персонала. А что делать? Хочешь хорошо жить, когда из села лезут тучи разорившихся из-за общемировой депрессии людей, – еще не так раскорячишься. И на профессиональные курсы побежишь, как миленький. Сдашь экзамен – жалованье выше, и сам на другой уровень поднялся. Ты уже не рабочий – мастер!

Еще и постоянно внедряли различные технико-организационные новшества. По централизованным планам строили целые металлургические комплексы. Производство чугуна и

стали практически удвоилось за десять лет. Дошло до того, что начали поставлять специальные стали на экспорт. При наших ценах и низкой зарплате не только конкурентоспособны оказались, но и кое-где стали теснить европейцев.

Можно по-разному смотреть на политику Диктатора, особенно его навязчивое стремление развивать тяжелую промышленность за государственный счет, но не стоит пытаться отрицать результат. Идеологии приходят и уходят, а народ остается. И никуда уже не денутся десятки тысяч людей, получивших работу. Их дети будут считать Братск своей родиной. Уж жить точно станут лучше, чем раньше. Сюда миллионеры не приехали. Большинство, кроме собственных рук, ничего изначально не имело. Сумели заработать и устроиться – честь им и хвала. А где богатая страна, там и сильная армия. Кому охота отдавать заработанное своим горбом врагам?

1911 год

Ян подскочил на койке, еще не успев понять, что произошло. До подъема не меньше двух часов – глухая ночь на улице. Курсанты вставали и с недоумением прислушивались. В городе ревели гудки. На всех заводах и фабриках одновременно. Даже паровозы на станции присоединились. Рев стоял неопиcуемый. Потом за окнами в районе станции забухали выстрелы. Прекрасно было слышно, как садят неизвестно куда, пока обойма не кончится. Пистолеты, винтовки – все

вперемешку. Не обычная какофония боя, а бессмысленная стрельба.

Дневальный у тумбочки в коридоре оглашенно заорал:

– Смирно!

Тут уже без вопросов: ротный пришел. Ночью их обычно не трогали, а на плановые учения все это меньше всего похоже. Вот теперь и объяснят, поспешно занимая привычные места в шеренге, думал каждый.

Майор зашел широким шагом, непривычно небрежно одетый. Пуговица на мундире расстегнута, фуражка торчит на затылке. Вечно начищенные до блеска сапоги подозрительно не блестят. Он встал перед строем полуодетых курсантов и, мгновенье помолчав, громко сообщил:

– Сегодня в двенадцать ноль-ноль ночи было подписано соглашение о прекращении огня. Австрийцы приступают к выводу войск на свою территорию! Война закончилась!

Курсанты возбужденно загудели.

– А с нами-то что будет? – выкрикнул голос.

– Собравшихся прямо завтра валить домой я крупно разочарую. Вы по-прежнему находитесь в армии. Прекращение огня – это еще не мирный договор. Какое-то время пройдет, и увольнять в запас будут в первую очередь старшие возрасты. Приказа о демобилизации не поступило. Так что в ближайшее время для вас ничего не изменится. Успеете получить свое звание. Это раз.

– Тоже неплохо, – согласился еще один голос.

– Армейской дисциплины, Зибров, – спокойно сказал майор, – никто не отменял. Заткнуться и слушать.

– Так точно! – молодежато заорал курсант. Когда он хотел, прекрасно умел выпучивать глаза и строить из себя недалекого парня, с утра до вечера изучающего устав. В промежутках спокойно мог продать все с себя, а заодно и с соседа. Причем тот оставался в глубокой уверенности, что сам и подал идею.

– Занятия на завтра... в смысле на сегодня – отменяются. Можете считать день выходным, кроме находящихся в наряде.

– Ура! – дружно взревел строй. – Майору Юнакову слава!

– Но это не означает, что все могут разбежаться в город по девкам или нажраться самогону. Все в меру. Подведете училище – пожалеете. Еще вопросы есть? Отдыхайте.

Он четко повернулся и направился к выходу. Команды никто дожидаться не стал, строй моментально распался на отдельные кучки.

– Я не очень ошибаюсь, – задумчиво сказал Черемисов, – мы получили неофициальное разрешение выпить? Главное, из казармы носа не высовывать. Пошли, Ян, тяпнем.

– У тебя есть? – с надеждой спросил моментально появившийся рядом Зибров. Он всегда знал, где можно пристроиться. Нюх на халявную выпивку у него был очень тонкий, и ошибок практически не случалось.

– У него есть, – хлопая Яна по спине, сообщил Черемисов.

сов. – Великий день – двадцать пять лет со дня появления на свет. В каптерке спрятал? Гусева еще покличем и посидим спокойно, без остального коллектива.

– Это не самогон, спирт медицинский. Я еще подумаю, стоит ли делиться.

– Стоит, конечно, стоит! Давно пора опровергнуть миф о польском скупердяйстве. Ведь врут? Для товарищей ты все отдашь! Зибров, а ты почему до сих пор не принес банку с тушеным мясом? Занюхивать рукавом я категорически отказываюсь. Иди-иди. Хлеб с меня.

– Откуда ты все знаешь? – восхитился Ян.

– Потому что я настоящий старший сержант. Не просто так. Все знаю, все вижу и обо всем молчу. Если со мной делятся.

– Я был уверен, что убьют, – опрокинув стакан в бездонную глотку, сказал Гусев.

Из этого медведя можно было запросто двух Янов скроить, даром что он никогда не жаловался на рост и вес. Полтора – так точно. Именно из-за размера и своей силы Гусев был страшно добродушен и спокоен. Довести его до ярости представлялось большой проблемой. Впрочем, никто и не пытался всерьез. Одного поломанного чисто случайно турника на занятиях по физподготовке всем хватило для глубоких раздумий. Оказаться на месте толстеного деревянного бруса, сломанного как спичка, никто не желал.

– Поэтому и смерти не боялся. Как Аллах решит. Иншал-

ла. Придет срок – ничто не поможет. Значит, еще не время. Будем жить.

– Есть в простых людях своя прелесть, – иронично подтвердил Черемисов. – Все дело в отсутствии развитого воображения.

– Пошел ты, – добродушно сказал Гусев. – Балабол. Сколько у тебя классов? Пять, шесть? Шибко образованный, шайтан.

– Нет, правда. Без дураков. Я боялся. Все боятся. Ты? – спросил Черемисов Яна.

– Мой лейтенант, – усмехнувшись, ответил тот, – в паршивом настроении иногда выдавал стихи. Рифма вечно хромала, зато крайне жизненно. Приблизительно так. Если кто в тылу говорит, что не испытывал страха, – врет. Не был он на войне. Дьявол, забыл, как там дальше. Короче, мы все одно выполним приказ, а потомки скажут: «Бесстрашные предки были».

– Не звучит в твоём пересказе, – авторитетно указал Зибров. – Зато идеи правильные. Знает, о чем говорит.

– Ничего не подделаешь, не запоминаю я стихов. Устав сколько угодно, а стих вроде проще, даже оцениваю, а не сохраняется в памяти. Не мое это. Иной раз слышишь «кровь – любовь» – и аж воротит. Все правильно построено – и не цепляет. А эти мне понравились. Не за правильность или идею. Там душа видна. Каждый из нас хотел выжить на войне. Каждый хотел дожить до мира. А бояться... В бою – нет, – ска-

зал, подумав. – Некогда. Пока делом занят, и думать нечем. Тело само соображает и в подсказках не нуждается. А вот потом бывало. Отходняк бьет. У нас проще. Не «ура-ура». Всегда спрашиваешь, кто готов идти на задание. Какой ни будь храбрый, а иногда находит: «Не пойду». Никак не объяснишь. Интуиция. Предчувствие. Таких заставлять нельзя. Сам сломается в неожиданный момент и других подведет. А все равно: кто несколько раз отказывался – избавлялись.

– У всех бывает, – подтвердил Зибров. – Разливай, чего телишься. Иногда прямо печать на лице.

Черемисов заржал:

– У тебя и так имеется.

– Да пошел ты. Подумаешь, рябой, зато шустрый. Правду говорю. Заранее знаешь – этот не жилец. Вот и думаешь: а у тебя такого нет? Не, вы как хотите, а я любыми путями домой. С меня на всю жизнь хватит. Хочу тихой семейной жизни.

– Какое домой! – удивился Ян. – Мы влипли. С временным званием можно под приказ. Для постоянного совсем другие правила. Теперь лет десять под погонами. Солдат распустят, а нас – один ваш Аллах ведает когда.

– Не каркай, – с отвращением возмутился Черемисов.

– А что? – удивился Гусев. – Я согласный. На готовых харчах, и с жалованием. Не стреляют, в атаку ходить не надо. И нечего рожу кривить. Попробовал бы, как у нас, покоряться.

На маленьком клочке земли три семьи. Еле на прокорм хватает, а уж купить обновку – так одни мечты несбыточные. Не-а, в армии лучше.

– И думать не надо, – сообщил неизвестно кому Черемисов.

– Дурак. Надеешься, война кончилась – тебя с твоими наградами заждались? Кому ты нужен? Попервости порадуются, песни споют, стакан нальют, а потом – работать до седьмого пота. Никто за тебя кормить семью не станет. Ничего не изменится. Только хуже станет.

– Это почему?

– Люди к крови привыкли и бояться начальства разучились. Одна живут – война спишет. Она кончилась, а привычка осталась. Что раньше кулаками выясняли или глоткой брали, так сейчас сразу завалят, – убежденно сказал Гусев. – И я с превеликим удовольствием кой-кому башку оторвать в родной деревне не прочь. Не хочу, но ведь терпеть не стану.

– Испортила нас война, – объяснил Ян. – И хуже всего – нам не заметно. А вот люди скоро шарахаться станут. Всегда ждешь – потом будет лучше. А это еще неизвестно.

О, какими были б мы счастливыми,
Если б нас убили на войне⁸... —

продекламировал.

⁸ Стихи А. Межирова.

– Поэт, – с отвращением признал Черемисов. – Додумался твой лейтенант тоже такую хрень писать.

– А что, неправда? Война кончилась, счастье всеобщее настало? На фронте говорить можно, не опасаясь доносчиков. Где враг, всем известно: за нейтралкой. А завтра начинается новая-старая жизнь. Что нам до того, что генерала объявят гением и великим полководцем? Нам посчастливилось остаться целыми и живыми. Вот и все. Ордена кушать не станешь. Разве по пьяни хвастаться и жаловаться, когда зажали. Кому-то вручили – тебе нет.

– Это нам знакомо, – одобрил Черемисов. – Командиру полка орден, а нам – шиш.

– А Гусев прав, – сказал Зибров, разливая остатки по стаканам. – Не так уж и глуп наш теленок. Убивать станут. Так просто это не вытравишь. Руки помнят, и инерция.

Тот презрительно хмыкнул. Этих ученых слов он не понимал, но прекрасно представлял последствия приезда в родные места поезда с пьяными демобилизованными.

– Грабить будут – ой-ой. А хлебные должности нас так и заждались. Давно на них сидят умные, уклонившиеся от призыва, и пришлых не пустят. Может, действительно домой показаться и срочно уезжать? Так в других местах не лучше. Хотя Гусь может и стать большим человеком. В жандармы податься или на государственную службу.

Гусев согласно кивнул. Его перспектива устраивала.

На Руси издавна сержанты нередко оставались на служ-

бе еще несколько лет после окончания обязательного срока. Тут уже другие возможности, и даже деньги побольше, на всем готовом. Есть возможность накопить слегка. И офицерам выгодно. Такие сержанты – серьезная опора для них.

А выйдя вчистую, они еще получали первоочередное право на занятие должности в государственных учреждениях. В чиновники сельские парни редко попадали, но подавляющее большинство мест низшего и среднего состава полицейских, жандармов, таможенников, почтовых и железнодорожных служащих занимали бывшие сержанты, привыкшие к армейским порядкам и дисциплине. Получив даже первоочередное офицерское звание, он уже мог рассчитывать на приличное место.

– Не хочу сегодня об этом, – возмутился Черемисов. – Зибров, покажи фотку своей девушки.

Они с самого начала, сами того не замечая, величали друг друга по фамилиям. Иногда превращали в прозвище, но по именам очень редко, исключительно для очень близких. В армии это вбивали прочно. Панибратство непозволительно.

– У тебя имеется, я знаю. А я свою, – сказал, залезая во внутренний карман. – Вот такая девка! Во всех смыслах горячая. Вернусь – женюсь!

В дверь пнули ногой, и они, переглянувшись, убрали пустую бутылку и остатки еды со стола. Пинок повторился, и Ян отправился открывать.

– Сюрприз, – сообщил, отстраняя его и входя, майор.

Вид у Юнакова был несколько странный. Фуражкой он небрежно размахивал, а глаза нехорошо поблескивали. Он небрежно кинул фуражку на стол, подтянул к себе стул, уселся в центре каптерки и заложил ногу на ногу.

– Так, – протянул, изучающее разглядывая присутствующих. – Как и ожидалось. Ермолова не позвали? А за что это вы его так не любите?

– Выслуживается, – глядя поверх его головы, сказал Зибров.

– А вы приличные парни, – восхитился майор. – Все по уставу, и не больше. Ой, как бы я вас мог нагнуть и долго-долго воспитывать. Куда бы делись! Вольно, курсанты, сегодня мне ваша выпивка до заднего места шайтана. Разрешаю чувствовать себя свободно. Слушайте меня внимательно. Минут тридцать назад майор Ногайцев при чистке оружия случайно выстрелил себе в сердце. Несчастный случай.

Он посмотрел на Гусева, на лице которого выражалось крайнее недоумение: «А мы тут при чем?» – и вздохнул:

– Первая рота юнкеров осталась без командира. Мне придется одновременно сидеть там и контролировать свою. Мало мне, что я из казармы практически не вылезаю, там вообще не осталось ни одного офицера, а старшина исключительно по хозяйственной части. На все училище, на четыре сотни лбов без мозгов и тормозов (у одних по возрасту, у других от излишней самоуверенности), шесть офицеров осталось. Три старика, два инвалида, – он произвольно дернул рукой, – и

религиозный идиот. Вы последнего не слышали, – приказал, глядя на ухмыляющиеся физиономии. – Мне – можно, вам – воспрещено.

– Нешто ж не понимаем, – согласился Черемисов.

– Каким местом думало начальство, забирая отсюда приличных людей... Мало нам, что в роте по штату два офицера, – и тех лишили. Тут не фронт, где сержанты руководят, тут воинским образованием заниматься надо. Упустишь – выйдут из училища не офицеры, а муэдзины. А! Я обязан решить проблему, и я ее решу.

Он сделал многозначительную паузу.

– За ваш счет. В нормальной пехотной роте шестнадцать сержантов-сверхсрочников положено по штату. Вы, парни, не просто сержанты, а будущие офицеры. Вот и отдувайтесь. Каждый получит по взводу юнкеров и займется их воспитанием. Жить будете там. Учить – как любящий дядька. Если необходимо – словами и примером, если потребуется – кулаком. Не злоупотреблять!

– Три взвода, – деликатно напомнил Зибров.

– Вот именно. Тульчинский у меня будет отвечать за всю роту. За любые неполадки и происшествия спрошу с командира взвода и с него. Чтоб иллюзий не было...

– Э... – жалобно сказал Гусев.

– Потом объясню, – пихая его в бок, пообещал Зибров.

– ...Никто вас так просто домой не отпустит, – не обращая внимания на шепот, вбивал Юнаков. – Офицеры в любом

случае уйдут последними, но в свободные головы курсантов могут прийти разные неподобающие мысли. Поэтому гонять будем курсантов до полной отключки. Вы из этого дела выскакиваете и сами попадаете в злых гонителей. Если все будет чисто, уйдете первыми – я обещаю. Или при училище останетесь, – посмотрев на Гусева, пообещал. Тот довольно просиял. При училище остаться – золотая мечта. Все лучше, чем в обычные полицейские. – Звание по-любому получите. При этом исключительно за положительный результат, и выводы о дальнейшей судьбе соответствующие. Понятно?

– «Если моему народу холодно, тому причиной – я. Если народ голодает, в том я виновен. Если мой народ совершает преступления, я должен считать себя единственно повинным в этом», – пробормотал Ян.

– Ты, католик, мне, саклавиту, будешь хадисы толковать? – изумился Юнаков. – Еще здесь суннизм начни проповедовать. Может, отдать тебя Шаповалову? Он точно знает, что правоверному положено, и тебе объяснит.

– Это древний китайский император сказал, – поспешно отказался Тульчинский.

Чем отличаются в этом смысле русские от прочих правоверных, Ян прекрасно знал. Странно было бы прожить всю жизнь в мусульманской стране и не быть в курсе, почему они друг с другом вечно ссорятся, и остальные саклавитов именуют не иначе как еретиками.

К тому времени, когда собирались и записывались уст-

ные традиции, мусульманское сообщество выросло, и каждая секта имела собственную, иногда конфликтную с другими, версию того, что сказал и сделал Мухаммад и его соратники. Поэтому ранние мусульманские ученые, исследуя хадисы, отсортировали их на более и менее надежные. Традиционалисты полагаются на их усилия, но скептики заявили, что вопрос требует более серьезного изучения.

Практически все мусульманские ученые соглашались, что в собрании хадисов есть недостоверные традиции о жизни Мухаммада. Большинство таких традиций были признаны мусульманскими духовными авторитетами как слабые. Лишь небольшая часть традиций считается надежной всеми мусульманскими учеными.

Саклавиты этих «ученых» поголовно категорически не уважали. Они рассматривали весь Хадис как ненадежный и предпочитали руководствоваться старыми обычаями. Как анекдот рассказывали о Хазрат Ахмад ибн-Ханбале⁹. Он, например, перед тем как приняться за арбуз, долго листал книги преданий о Пророке и выпрашивал знатоков шариата, желая узнать, ел ли арбузы святой Мухаммад, защитник ислама, посланник господ и попечитель грешных рабов божьих. Поскольку он не смог нигде найти и малейшего намека на интересующий вопрос, то так и отправился на тот свет, ни разу не отведав арбуза.

У русских собственная гордость, и они открыто говорили

⁹ Основатель одного из правовых толков ислама (780–855 г.).

о недопустимости большинства хадисов. Якобы они нередко выдумывались на злобу дня и к реальным словам и действиям отношения не имели. Двадцатилетняя жена Пророка Аиша сразу после смерти Мухаммада была объявлена великим толкователем его слов, затеяла немало интриг, мусульмане разделились не без ее участия на суннитов и шиитов, между единоверцами произошла даже гражданская война.

Об ее жизни сохранилось достаточно записей, и с тех самых пор известно, что Аиша не стесняясь говорила: «Бог сразу ниспосылает Пророку то, в чем он нуждается». Такой неприятный намек. Уж ей-то без сомнений Аллах для откровений не требовался. Прожив после смерти Пророка сорок с лишним лет, она «вспомнила» больше двух тысяч его высказываний. И слишком многие были ей на пользу, а некоторые вполне реальны, но смотрятся очень неприятно. Где там правда, а где ложь, не разобрать. Проще вычеркнуть все.

Сам Мухаммад всегда подчеркивал, что он всего лишь посланник и человек¹⁰, но посмотришь в хадисы и обнаружишь: «При рытье рва люди наталкивались на большие камни. Тогда они жаловались Пророку. Он просил принести ему сосуд с водой, поплевывал на нее, потом читал какую-то одному Аллаху известную молитву, выливал эту воду на тот

¹⁰ «Я такой же человек, как и все посланники Аллаха». (Коран, 17:93.) И «Отвечай им на это (о Мухаммад!): «Если бы по земле вместо людей ходили спокойно ангелы, Мы бы послали им с неба посланника-ангела из того же рода. Но ангелы же не люди. И поскольку вы – люди, Мы, благодаря Нашему милосердию к вам, послали вам посланника – человека из вашего рода». (Коран, 17:95.)

камень. Присутствовавший при этом человек рассказывал: клянусь Тем, Кто послал его с истиной, самим Пророком, камень рассыпался и превращался в песок, так что ни топор, ни кирка не отскакивали». Люди не могут жить без чудес, решили русские толкователи, но руководствоваться лучше не их дуростью, а первоисточником – Кораном.

Собственно, это никогда и не скрывалось, однако большинство мусульман и не подозревало, откуда взялась разница в верованиях. Давно известно, что меньше всех знают историю религии и религиозных обрядов именно представители духовенства, которые боятся научных книг, как порох боится огня. А простой народ особо не разбирался в тонкостях толкований. На то существуют мулла. У каждого своя вера лучше всего, и местный авторитет запросто переплюнет ничего не соображающих «умников» из любой другой страны.

– Все претендующие на истину одинаковы, – сообщил между тем Юнаков. – Как ни называй хадисы, или, блин, изречения. Сто тысяч рассказов – и все друг другу противоречат. Кому какой нравится, тот такой и использует. Нет уж. Жить надо по совести, блюдя честь. Делай, что положено, и плевать на последствия. А этим дерьмом пусть богословы занимаются. Тем не менее, – он задумался, – хорошо сказано. Вот именно ты за все и ответишь. Вопросы есть?

– А почему мы? – подозрительно спросил Зибров.

– А это армия, курсант. Пора усвоить. В первом взводе или роте всегда стараются собрать лучших, и первыми же

ими дырки затыкают. Из командира отделения лихо прыгаешь в командиры взвода. Так тебе не повезло или, наоборот, счастье привалило. Потом посмотрим.

– А ключи от каптерки кому? – спросил Ян. – Тут вещи чужие, не хочу потом отвечать.

– Мне отдашь. Считаю, ревизия проведена. Все равно вещмешки под замком, а больше и тырить нечего. Идите собирайтесь, вместе пойдем. Представлю вас новым... хм... подчиненным.

– Ты вообще что-то понимаешь? – спросил уже за дверью Ян. – Оружие он чистил!

– Не наше дело, – отмахнулся Зибров. – Хотят замять – пусть. Ходил слушок, что он любил мальчиков потрогать. Вот и доигрался. Кто-то не промах оказался.

– Вы это о чем? – не понял Гусев.

– Не стреляются в сердце нормальные офицеры. В голову – верю, а тут очень странно. И время больно удачное. На улице палят, никто не прислушается и выскакивать посмотреть не станет. Плевать. Господин майор сказал: случайность, – кто я такой ставить его слова под сомнение?

* * *

Генерал Чанталов, начальник оперативного управления Генштаба, тихо закрыл тяжелую дверь и смачно плюнул прямо перед собой. Офицеры в приемной уставились на него с

изумлением. Он даже не ругался никогда. Всегда корректен и образец для окружающих.

– Можете не ждать, – с явно сочащейся в голосе желчью сказал Чанталов. – Это полный... паралич воли и маразм. Дорошин, Тарасов, Федько, Кулаков – ко мне в кабинет.

– Это еще что? – спросил он на ходу, разворачивая протянутую бумажку.

– Очередной манифест Кагана, – с каменным лицом ответил первый заместитель начальника Управления военной разведки полковник Дорошин.

«Посвящая себя великому нашему служению, Мы призываем всех верных подданных наших служить Нам и государству верой и правдой, к искоренению гнусной крамолы, позорящей землю Русскую, к утверждению веры и нравственности...»

Велик Аллах в милостях и во гневе своем! Возблагодарим за излитые на нас щедроты, и припадем к Нему с молитвами, да продлит милость Свою над нами, и прекратит брани и битвы, ниспошлет к нам побед победу, желанный мир и тишину».

– Идиот, – раздраженно сказал Чанталов, комкая бумагу и швыряя ее на пол. – Самое время про молитвы рассуждать.

С подписанием перемирия на улицы вышли тысячи горожан. Началось все совершенно стихийно. Десятки тысяч людей всех национальностей и религий бурно радовались окончанию войны. Все обнимались и готовы были любить друг

друга совершенно бескорыстно. В этот день предприятия по всей Руси в крупных городах прекратили работу, в мечетях молились, во всех церквях звонили колокола, люди танцевали на улицах, обнимали друг друга, с песнями катались на фаэтонах, трамваях. Каждый выражал свой восторг как мог.

Уже на второй день во Владимир стали стекаться тысячи сельских жителей из близлежащих деревень, а на улицах стали попадаться и солдаты. В окрестностях стояло много запасных полков, и кроме новобранцев, излеченных раненых и сачкующих любимыми путями от отправки на фронт, там было много всякого отребья, от которого старались избавиться приличные командиры. Вроде бы все смотрелось прекрасно и страшно верноподданно. Запрещать демонстрации причин не было.

Противоправительственных лозунгов первоначально не произносили. Но бесконтрольная толпа – страшное дело. Требования становились все громче и радикальнее. Правительственный манифест о победе никого не устраивал. Ждали послаблений, улучшения жизни... На самом деле никто толком не знал чего ждать, но слова «Аллах вознаградит наш верный народ» взбесили многих.

В мирное время недовольство населения было не слишком заметно, задавленное законами, объявляющими любую критику действий властей уголовным деянием. Тяжелая война обнажила множество проблем в стране, а метание Кагана из крайности в крайность не успокоили, а напротив – на-

строили против него практически все слои населения. Все прекрасно видели неумение справиться с ситуацией, и даже в армии появилось огромное количество недовольных. Победа принесла надежды на перемены. Кремль молчал, и это бесило больше всего.

Заводы не работали, с подвозом продовольствия начались проблемы, карточки уже не гарантировали получения товара, и хвосты очередей у магазинов растягивались на сотни метров. Место занимали с ночи – тут не до работы. Толпы на митингах сами себя заводили, речи превращались в реальное подстрекательство. Один из немногих боеспособных полков, вызванных для наведения порядка, отказался открыть огонь по демонстрантам. Солдат попытались разоружить силами жандармского батальона и арестовать офицеров, в результате получили уже реальное восстание, когда солдаты стреляли в жандармов, и толпа обрадованно поддержала столь интересное начинание. С улиц столицы исчезли полицейские постовые и всякий намек на поддержание порядка. Правительство в полном составе приехало на прием к Кагану и вежливо попросило для успокоения народа пообещать послаблений в налогах и вообще улучшения жизни, включая право на собрания и отмену цензуры.

Причиной неприязни Кагана к либеральным реформам была его религиозность. Он был глубоко верующим человеком и отказывался верить, что с момента написания Корана в мире кое-что изменилось. Будучи официальным главой

саклавитов, а проще говоря, духовным владыкой большинства населения Руси, он десятилетиями внедрял духовные установления в светские дела. Из самых лучших побуждений он восстановил против себя слишком многих, будучи уверен во вредоносности любых изменений. И в этом его слишком многие духовные авторитеты поддерживали, цепляясь за собственные привилегии. Рано или поздно это должно было кончиться взрывом.

Что там произошло, толком никто не знал, но взбесившийся Абдульвахид никого не удивил. Слухи о его неадекватности давно гуляли по стране. Делегацию арестовали. Министров финансов и промышленности расстреляли без суда прямо во дворцовом саду. Остальным повезло больше – их просто отправили в тюрьму. Премьер-министр Сахаров очень предусмотрительно не поехал на встречу и уже пятые сутки неизвестно где находился.

Толпа взяла штурмом тюрьму и, освободив невинных страдальцев, приволокла их в здание Верховного Совета. Там бывшие министры сидели и тряслись в ожидании неизвестно чего. Во дворе митинговали с плакатами «Свобода, равенство, братство». А с импровизированной трибуны требовали положить конец режиму, угнетающему народ.

Единственный, кто еще мог как-то повлиять на ситуацию и успокоить страсти, шейх саклавитов был убит на ступенях мечети неизвестно кем. Разъяренная толпа растерзала убийцу прямо на месте, а разобраться в причинах было некому.

В семь часов утра 28 октября начался мятеж некоторых частей гарнизона и запасных полков. Офицеров арестовывали и нередко убивали на месте. Далеко не все части выступили. Артиллерийское и пехотные училища оказали сопротивление мятежникам, но были в результате боев отброшены и частью рассеялись, частью заперлись в казармах. Общее руководство мятежом отсутствовало, и очень скоро, потеряв цель и противника, многие солдаты занялись мародерством. Вторые сутки Владимир жил в атмосфере постоянных перестрелок и погромов. Одетые в военную форму (совсем не обязательно военнослужащие) грабили дома и лавки. Погибших в городе были сотни.

– Не подлежит ни малейшему сомнению, – сказал Дорошин, становясь по стойке «смирно» перед собравшимися в кабинете, – что мятеж вызван агитацией низшего мусульманского духовенства. Это не только достоверные сведения из первых рук, но и предъявленные требования. Они явно не хотели допускать до происходящего, но контроль утрачен. Первоначальная численность выступивших – до двенадцати батальонов, сейчас по приблизительным оценкам в грабежах и насилиях участвуют и жители города, и число... хм... бандитствующих элементов может доходить и до ста тысяч. В кварталах иноверцев организуются отряды самообороны. Артиллерийское училище заключило договор о совместной обороне с Юго-Западными кварталами. – Чанталов понимающе кивнул. Там селились все больше христиане. – На...

э... обращения за указаниями и приказами из самых разных мест, включая пехотные училища и Шестьдесят восьмой Туркестанский полк, там, – он показал на потолок, – реакции не последовало. Следующий раунд будет гораздо хуже. Можете записать меня тоже в мятежники, но пора убрать нашего начальника Генштаба, поставить человека, готового взять на себя ответственность, – он прямо посмотрел на генерала Чанталова, – и попытаться навести порядок. Дальше будет хуже. Волна уже пошла вне столицы. Во многих городах беспорядки.

– Тарасов, – приказал генерал.

Заместитель управления службы тыла поднялся и непроизвольно провел рукой по бритому черепу. Он изрядно потел, несмотря на прохладу в помещении. Это уже были не просто разговоры с глазу на глаз и выражение недовольства. Они переступили черту.

– Пятеро из шести командующих фронтами подтвердили согласие на применение чрезвычайных мер, – хрипло сообщил. – Готовы оказать помощь. Азимов финтит, ждет, чья возьмет. Он всегда за победителя. Мешать не будет. Салимов...

Генерал остановил его жестом и посмотрел на полковника Кулакова. Этот был его подчиненным и доверенным человеком. А еще кончал Академию одновременно с Салимовым. Удачно совпало. Знакомым легче объясниться, и не будут подозревать чью-то интригу с провокацией.

– Я говорил с ним, – вставая, доложил тот. – Он человек жесткий и стесняться не станет. Первые эшелоны уже разгружаются в Горках. Он, кстати, выполнял прямой приказ Кагана, и переброска войск санкционирована практически сразу после заключения перемирия. Части надежные, специально отобранные и с добавлением добровольческих офицерских команд. Приказы выполняют исключительно от своего прямого начальства. Вот только обстановка изменилась. Тут такая любопытная вилка. В любом случае у него есть оправдание. Но он собирается идти до конца. Завтра на рассвете подразделения Одиннадцатой армии войдут в город. Для нас вариантов нет. Единственная возможность навести порядок. Мы обязаны поддержать его действия.

– Проблема – что дальше, – сказал негромко Федько. Еще один заместитель начальника Управления. На этот раз по кадрам.

А что делать? Только заместители на что-то способны. Они не прочь выдвинуться и тащат на себе весь груз работы. Генералы в тылах все больше дедушки в солидном возрасте и особыми талантами не блещут. Попали на должность по знакомству, и хорошо если стараются не вмешиваться лишней раз. Кое-кто портит так, что никаким диверсантам не приснилось бы. Не дать хода необходимой бумаге или исправить в меру скудного разума – это нормально. Главное – уметь правильно доложить в Кремле. А там трава не расти.

– Вот именно, – подтвердил генерал. – Каган? Сколько го-

лов слетит потом. И чьи. Такие энергичные деятели редко заживаются. А нарушающие приказы из Кремля – вообще никогда.

– Мы уже и так наговорили на каторгу, – кисло улыбнувшись, сообщил Кулаков. – Иначе как заговором наше собрание не назовешь. Так что смело следуем и дальше. Мы беседовали достаточно откровенно. Салимов прагматик. Без поддержки власть ему не удержать. А она будет у того, за кем пойдут. Есть Владимир, а есть страна. Армию нельзя вечно держать под ружьем, солдаты стремятся вернуться домой. Очередной мятеж с дележом хозяйства ему ни к чему. Так что он готов сотрудничать. Коллективное руководство военных при правительстве из технарей и специалистов. По пунктам. Во-первых, Салимов уберет Кагана и наведет порядок. Если потребуется – могильный.

Замечаний не последовало. Все прекрасно понимали, что простым отречением не кончится. Пока Абдульвахид жив, все они будут приговорены вне степени вины.

– Во-вторых, Генштаб обязан стать связующим звеном между армейскими командирами и арбитром в неминуемых спорах. Обязательно найдутся желающие получить за отсутствующие заслуги. В-третьих, обязательны реформы. Равноправие всех граждан перед законом.

Он обвел взглядом присутствующих и повторил:

– Всех! Без этого ничего не выйдет. Пора убрать тормоз с нашего Русского паровоза и посмотреть по сторонам. Кроме

того, – он поморщился, – хотим иметь хорошие отношения с США и... хм... другими странами – придется прислушаться к их мнению. Но это не значит, что мы обязаны следовать чужим указаниям даже в деле политических реформ! Необходимо отстаивание национальных интересов при исполнении заключенных договоров с иностранными государствами. Салимов настаивает на аграрной реформе с проведением точной описи земельного участка и с вручением владельцу документов, реорганизации и приведении юридической системы к европейскому образцу, отделении религии от государства. Список, собственно, может добавляться и увеличиваться, но это основные принципы.

– Ничего ужасного не вижу, – пожал плечами, согласился Чанталов. – Вот только почему Кагана? Семью! Зачем оставлять живыми претендентов на престол?

Тарасов почувствовал, как пот уже потек ручьями. Кровью, гад, повязать хочет. В законе прямо сказано: «Виновные в покушении на жизнь, свободу верховного правителя наказуются смертной казнью».

– Я возьму на себя изолировать всех, кто находится вне Кремля, – сообщил Дорошин. – Но дядя Кагана в Дальневостоке сидит. Что там у нас с казаками?

– Генерал Дербентский без благословления Старкиса шагу не ступит. Это я беру на себя. Получит он соответствующую телеграмму. Мы уже беседовали и друг друга поняли. Тут скорее надо думать, как бы Сибирь на дыбы не встала, ес-

ли мы оплошаем. Со Старкиса станет. Ему указания напрямую от его Йахве поступают. Еще и поэтому промедление опасно. Туркестанские и семиреченские полки уже получили приказ и занимают позиции. Они собираются брать под контроль железнодорожные вокзалы. К центральному телеграфу и телефонным станциям выдвинулись отряды «охотников». Я потому и ходил... Эх, до чего страна дошла. Никто не хочет проявлять инициативы. Голову под подушку засунули и надеются – их не коснется. И это военные! Ладно. С нами или без нас – хазакі начнут. У них и выхода нет. В межрелигиозной войне всех порежут. Поэтому и для нас промедление смерти подобно. Гражданская война на пороге. Уж лучше идти в одном строю. Все. Начинаем. Кого брать под стражу и что делать, всем известно. Мы, старшие офицеры, начавшие служить в дни славы и мощи Руси, пережившие позор поражений войны, вынужденное унижение, не можем больше стоять в стороне!

На афоризм тянет, подумал Тарасов. Лучше бы записать и число проставить. Мы! Не я! Не спонтанный поступок нескольких человек – все участвуем.

– Я беру всю ответственность за последствия на себя, – заявил Чанталов, будто подслушав мысли. – Иншалла!

– Аллах Акбар! – хором ответили офицеры. – Все в руках его.

Я захлопнул дверь и недовольно поморщился, обнаружив отсутствие бумаги. Вечная история даже в приличных местах. Хорошо, не забыл прихватить первую попавшуюся газету. Как оказалось, не самый лучший выбор. «Новости» – это на грани скандальности. Вечно лезут в чужое грязное белье. Зато про политику не пишут – мне ее и так хватает, и в чужих поучениях совершенно не нуждаюсь.

«И чем меня порадуют?» – устраиваясь поудобнее и разворачивая печатное слово, заинтересовался.

Все-таки я редко бываю дома. Остались старые представления. А у нас, оказывается, даже в «Новостях» передовица о достижениях народного хозяйства. Совсем сбрендили. Мда... Поголовье скота увеличилось в два раза, лошадей – в два с половиной. Кому смешно, а ведь это еще и удобрение в огромном количестве. Урожайность серьезно повысилась.

Число тракторов – 1,26 млн в пересчете на 15-сильные. Количество дворов, охваченных кооперативными отношениями, почти сравнялось с общим количеством хозяйств. Ну, это понятно... Государственная программа развития и поощрения кооперативного движения в деревне, свободного от господства некрестьянских элементов и ставящего целью экономический и культурный прогресс крестьянства, всем плешь проела. Однако для самих крестьян большое дело. Перекупщикам и ростовщикам крепко дали по рукам в первые же годы новой власти. А когда послевоенные высокие цены на продовольствие ощутимо просели в результате мирово-

го кризиса, кооперативы многим облегчили жизнь. Они ведь тоже разные бывают. Когда пишут про проценты, такие вещи в глаза не бросаются, а имеет смысл смотреть внимательно.

Существуют сбытовые кооперативы, дающие возможность покупать более дешевые промышленные товары и продавать свою продукцию на более выгодных условиях. Большими партиями приобретать и продавать всегда удобнее.

Кооперация могла быть кредитной, когда приобретались дорогие сельскохозяйственные орудия и техника. А можно было объединиться и войти в кооперативы уже как члены, например, товарищества по обработке земли. Совместная работа и совместная собственность на сеялки, веялки и трактора при наличии собственного участка, огорода и скота. Вот доходы от общих работ делятся, а побочные заработки – личное дело каждого. Это не община в старом понимании. Перераспределения земельных участков ежегодно не происходит. Обрабатывать землю лучше совместно.

Люди свою выгоду хорошо видят. Недаром, при всех сложностях жизни, деревня горой стоит за власть.

Правительство изначально стремилось уничтожить в деревне почву для недовольства. Мероприятия «Движения» и центральных властей имели четкую направленность. Кроме самой аграрной реформы и выделения земель из кагановой собственности в крестьянскую, были законодательно снижены арендные цены и практически уничтожено ростовщичество. Для этого создали Крестьянский банк, работа-

ющий с мелкими собственниками. Существовала государственная закупка сельскохозяйственной продукции. Внедрялось широкое применение удобрений и техники, планировались различные программы поощрения кооперации, что облегчало властям социальное маневрирование, велось жилищно-коммунальное строительство, строились бани и дома культуры. Даже радио проводили в деревни бесплатно. Народ должен слушать правильные передачи и знать правильное направление.

Денежная компенсация, выплаченная правительством помещикам за отчужденную землю, быстро обесценилась в результате послевоенного кризиса и депрессии, и в результате помещики лишились не только земли, но и каких-либо финансовых рычагов влияния на жизнь деревни. Крестьяне же, напротив, оказались в выигрыше, так как инфляция привела к существенному уменьшению реальной величины их выплат за приобретенную землю. Арендаторы в короткий срок смогли рассчитаться за приобретенную землю, по сути, символическими денежными суммами.

Вот про чугун и пуск крупнейшей в Европе домны мне не надо... Впрочем, лозунг хоть и официальный, но звучит прекрасно: «Наша сила – в нашей власти». Мы уже вышли на второе место в мире по производству чугуна и в сопутствующих отраслях. И Русь – один из крупнейших экспортеров продукции металлургии. Недаром государство не только прямо вкладывалось в строительство комбинатов, а еще

и использовало экономические методы, поощряя правильно лоящих момент промышленников и купцов.

Много есть способов. Налоги, льготы, ссуды из государственных банков под более низкие проценты на целевые нужды. Салимов делал ставку на многопрофильные частные концерны и прямо отбирал подходящие личности, которые ему казались наиболее понятливыми и не думали исключительно про собственный карман.

Хороший кусок прибыли по негласным договоренностям шел еще и в общественные фонды. Благотворительность по доброте душевной. Ага. Попробовали бы они не дать «добровольно» на строительство школ и больниц или не выделить стипендий для учебы участникам «Движения». Кое-кто из сильно непонятливых остался за бортом, может себе локти кусать. Поздно.

А умные – совсем другое дело. Этим власть расстилала красную дорожку в обмен на выполнение заказов и предписаний. Василя ведь прорвалась вперед не только благодаря способностям. Связи – великое дело.

С трибуны при этом громко прозвучало: «Только поощрение частной инициативы способно дать толчок развитию общества». Каждый понимает как хочет. В массе люди правильно сообразили.

Так... Демонстрации продолжаются повсеместно... Борьба за права женщин... Тьфу! Что-нибудь попроще. Спорт... Это мне мало интересно... Ага... Картина Коршунова про-

должает с триумфом идти по всему миру. Даже до Бразилии доехала. Там желают приобщиться к шедеврам. Хорошо, что еще никто не докопался до моей роли в появлении главной героини в фильме. На прессу начхать, но Любка может нервно отреагировать.

Нет, меня многие видели, я ведь не человек-невидимка, однако принимали просто за друга Ахмета. Я у него в номере постоянно прописался в промежутках между выпивками. Вот интересно, про его любовные шуры-муры с Настей правду пишут? С писаки из «Новостей» соврать запросто станет. А, не ревновать же мне теперь. Глупо. Два с лишним года прошло. А девочка далеко пойдет. Прославилась. Хорошая сумма в новом контракте проставлена. Опять же если не врут. Знаю я, киностудия гонорары зря не платит и озвучивать точных сумм в прессе не любит.

– Чего ты так долго? – не прекращая красить ресницы, спросила Любка, внимательно изучая себя в зеркале. Это вам не общий вагон. Большое, на всю дверь. – Опять устроил читальный зал?

– Иногда, – вздохнув, пожаловался я неизвестно кому, – прямо в глаза бросается наша разница в возрасте и опыте. Ты слишком привыкла к европейскому образу жизни и не видишь маленьких радостей в современной Руси.

– Не преувеличивай, – не отвлекаясь от своего занятия, сказала Любка, – про отсутствие канализации перед войной повсеместно я в курсе. Вроде в шести городах было, и даже

во Владимире исключительно в центре. А так – во двор. В детстве приходилось регулярно бегать.

– В пяти. И ничего похожего на нормальный стульчак не имелось нигде. Даже в общественных зданиях присутствовала обычная дыра в полу. Садись на корточки – и вперед. Мы когда в Австрийскую в Европе обнаружили это дело, не имели понятия, как пользоваться. Забираешься с ногами наверх – и в позу орла. А в здании – вообще гадость. Что значит «не на улице»? В многоэтажных домах у тебя над головой сидит еще один и тужится. Неприятно.

На Руси в домах раньше уборных не было. Не потому что нельзя сделать пристройку. Просто место, куда все отходы отправляются, не должно находиться в жилом помещении. Это оскверняет. Обычай. Сортир всегда в стороне. Где-нибудь в дальнем конце двора или огорода.

– Вот и напиши статью, – хихикнула она, – про большой прогресс. Сразу репутацию загубишь. Девять из десяти жителей Руси тебя с твоими восторгами не поймут и страшно удивятся. Европейские грязнули!

А вот это чистая правда. Большинство населения по-прежнему не возьмет в толк, как можно садиться на место, где до тебя побывали десятки других. Почему это считается «просвещенными» европейцами более гигиеничным? Или почему считается нормальным купаться в ванной с грязной водой. Мыться правильно в проточной – в душе. Или в реке. На воде экономить нельзя. Да нам и необходимости не было

никогда. Не в пустыне жили. Славяне с древности по рекам расселялись и по ним же передвигались. Потому и с дорогами вечные проблемы. Не укладывается в голове. Никогда за их состоянием особо не следили. Оно ведь прекрасно и сегодня заметно. Если по рекам в город входить, совсем другой и намного более приятный вид открывается.

А уж от бань наших европейцы шарахаются с диким визгом. Даже турки ближе в этом смысле. Хотя, если слегка порыться в истории, когда-то и у них были. И не только в античности. Даже мылись вместе мужчины с женщинами без особых проблем и душевных волнений. Христианская церковь всерьез озаботилась нравственностью только в результате завоза сифилиса из Америки и массового его распространения. Лечить его не умели, и проще было проповедовать мытье пореже. Тогда и общественные бани повсеместно позакрывали. Вот и появилась строгая мораль. На словах. Кто хотел, все равно гулял, даже в чопорной Великобритании. На словах-то все правильные.

Если присмотреться, то пользование водой по всем параметрам лучше. Уж не газетой, от которой на пальцах грязные следы остаются, подтираться. Туалетная бумага совсем недавно появилась, и подмывание гораздо лучше любой тряпки или лопуха. Чем они там пользовались в средние века, мне и представить страшно.

А то, что у нас в результате появилась достаточно странная для «правильных» иностранцев традиция никогда не

брать еду левой рукой, не держать в ней чашку и прочее в том же роде – так ничего удивительного. Это невежливо – протягивать для знакомства левую руку или предлагать ею что-то.

Она нечистая, ею пользуются в туалете, и встречному-поперечному неизвестно, не забыл ли ты ее помыть. Зато у нас абсолютно не бывает левшей. Никого переучивать не требуется.

– И все-таки, – сообщил я во всеуслышание, – канализация в городах – прекрасная вещь. Воняло у нас на улицах не меньше, чем в ихних Парижах. Первый указ «о соблюдении чистоты и наказании за выбрасывание сору и помета на улицы» издал еще Багатур. Видимо, умудрился запачкать ноги, спешившись. По Владимиру-то он пешком вообще не передвигался. И все равно. Но указ указом, а через двадцать лет пришлось вновь скреплять печатью требование «убрать непотребный сор из окрестностей Кремля, ибо от того является смрадный дух». Представляю, что делалось на окраинах, если возле центра такое творилось. Не удивительно, что регулярно гулял мор по городу. Некоторые пишут про число смертей от трети до половины населения. Чума точно была. Симптомы описаны четко... А чего ты, собственно, вздумала? – сообразил наконец. – Перед кем покрасоваться решила?

– Граница, – невозмутимо сообщила Любка. – Ты же не хочешь, чтобы жена смотрелось плохо.

– В моих глазах ты всегда прекрасна, – на всякий случай сообщаю, – но перед китайцами выпендриваться не имеет смысла. Мы для них все на одно лицо и сплошь уроды. Да и неизвестно, правильно ли это. Может, женское личико положено белилами мазать для пущей авантажности. Они же эти... буддисты. Конфуцианство – вроде не религия.

– Не думаю, что они регулярно пупок созерцают. Очень уж зрелище знакомое, – сообщила она, показав в сторону окна.

Я подошел посмотреть. Да... Зрелище было насквозь привычное, однако на фоне окружающего пейзажа с вычурными изгибающимися восточной крышей большого здания вокзала и убогими фанзами сразу за ним донельзя странное.

Прямо у железной дороги расположились китайские солдаты во главе с офицером. Все как положено. Коврик, головы вниз, зад вверх. Ориентировано на Мекку. Ничего странного. Здешние края давно на Русь в оба глаза смотрят. Эдакое буферное государство между нами и японцами. Да и южными китайцами.

Фэн Юйсян не просто сделал ставку на Русь, он еще и демонстративно в саклавита превратился. Не знаю, насколько уверовал, но публично демонстрирует постоянно. А куда конь с копытом, туда и рак с клешней. В его провинции в армии и правительственных органах надо быть правоверным. Иначе карьеры не сделаешь. Все старательно молятся Аллаху, хотя и про свое конфуцианство не забывают.

Государство никак не увязывает национальную идею с религией, поэтому китайцы свою религиозную принадлежность не считают чем-то крайне важным. Религиозные догмы и обряды они знают плохо и мало ими интересуются. Зато очень развита вера в духов предков, и это является центральной частью народной религиозной традиции. Очень удачно совпадает с саклавитским учением и не вызывает отторжения.

Во всяком случае, внешне все выглядит очень красиво. Даже дети его во Владимире учатся. Сын Фэн Хунго в военной академии, дочь Фэн Фунэн в медицинском институте. Эта вообще по документам Надеждиной числится. Была еще и третья, Фэн Фуфа. Та уже выучилась, и мало того – замуж за русского выскочила. Она теперь Собинова, а муж в здешней контрразведке подвизается не на самых маленьких должностях.

Тут вообще минимум полсотни военных русских советников присутствует и неизвестно сколько технических. Мне неизвестно. Подозреваю, все они, когда требуется, пишут подробные отчеты по совсем не техническому ведомству. Аграрную реформу с почти двукратным снижением арендной платы по нашему образцу проводили. И результат это дало серьезный. В считанные годы выросла урожайность почти на треть. Если вспомнить русские кредиты на промышленность и постройку заводов, при нашей же помощи, совсем неплохая ситуация в сравнении с югом. Там у них бардак с револю-

ции не прекращается. Товары, правда, в Мукдене и окрестностях все больше русские в магазинах присутствуют. Даже англичан с французами мы достаточно легко вытеснили со здешнего рынка. Недаром в свое время брали Мукден, и начало было положено еще тогда.

Это кроме вполне официальной резидентуры разведки и посольства, которые тоже постоянно следят и контролируют. Может, и советы дают. Я бы не удивился. Посещать по праздникам нашего посланника губернатор не забывает. Как и решать некоторые вопросы через его голову.

Армия у Фэн Юйсяна хоть и не шибко огромная, но неплохо вооруженная (опять же русским оружием) и обученная. Приходится даже удерживать от слишком резких движений: прямо ссориться с Токио во Владимире желающих не имеется. Все надеемся полумерами обойтись. Не верится мне. Как самураи задавят Китай, так и на север с интересом посмотрят. Одна надежда – время работает на нас, а японские успехи как-то не впечатляют. С китайцами они еле справляются, куда на Русь замахиваться. Да все когда-нибудь случается в первый раз. Они тоже не идиоты и нашу помощь гоминдановцам и заинтересованность прекрасно видят.

– А ты не выполняешь, – откладывая зеркало, обвиняющим тоном заявила Любка. – Время молитвы – и что я вижу? Сиденье на этом... непригодно месте.

– Молчи, женщина, – возмутился я. – Да если бы я правильно себя вел, ты бы рот боялась открыть, сидела бы сей-

час дома, и это было бы безусловно правильно! Праведные женщины повинуются Аллаху и своим мужьям – и в их отсутствие блюдут себя, как приказал Аллах. «Тех же, непокорных и непослушных, которые проявляют упрямство и неповиновение, сначала вразумляйте и увещивайте хорошими и убедительными словами, затем отлучите их от своего ложа, а если это не поможет, тогда слегка ударяйте их, не унижая их. Если они станут послушны и будут повиноваться вам, то после этого не прибегайте к более строгим мерам»¹¹.

– Вот насчет отлучения от ложа, – с интересом спрашивает Любка. – Нет ли здесь подозрительного момента, намекающего на порочность женщин? Я обязательно пожалуюсь Аве Сейдаметовне. Ты сделал огромную ошибку, нас познакомив!

– Тогда сразу переходим к следующему пункту. Розги надлежит иметь не из свежих, только что срезанных прутьев, а из прутьев несколько уже лежалых, но отнюдь не сухих; на сей конец заготавливаемые одновременно прутья надлежит хранить в сыром месте, дабы они имели подходящую тяжесть и гибкость.

– И где ты тут найдешь правильную березу? – очень логично спросила Любка.

– В Китае есть все, – убежденно сказал я, – только плати. Но ты права, не догадался взять с собой... Поэтому остается только один путь. Наказать немедленно и жестоко. На

¹¹ Коран, 4:34.

этом... ложе. – Я похлопал, проверяя твердость матраца. – Иного пути закрыть рот жене не существует. – Потянул ее к себе и, зарывшись в волосы, провел кончиком носа от уха до плеча. Поцеловал в шею.

– Ты дверь закрыл? – обнимая меня, спрашивает.

– Конечно, – подтверждаю. – И времени у нас наверняка несколько часов. Пока рабочие у вагонов колеса поменяют и японцы припрутся с проверкой, мы хорошо отдохнем. Восток – дело неспешное.

– Тогда другое дело. Помоги платье снять, – потребовала Любка. «Единственный путь к согласию и дружбе – снисходительное отношение одного из супругов к другому. В таком случае человек, проявивший снисходительность, является благочестивым и благодеющим»¹², – провозгласила она, заваливая меня на диван и усаживаясь сверху. – Я готова понести соответствующее наказание, – блестя глазами, поставила меня в известность, – но только из снисходительности. Аллах вознаградит меня за труды и праведную жизнь!

Мне стало не до наблюдений за местными китайцами. А ведь когда-то я был первым корреспондентом, попавшим в Мукден после его захвата.

1921 год

Я прошел по пустому коридору и толкнул дверь. Ковалев мимолетно глянул и спокойно продолжил мазать хлеб мас-

¹² Коран, 4:128.

ЛОМ.

– Чай будете? – вежливо спрашивает.

Уютно так расположился за столом и с аппетитом ужинает. А мои тревобления ему совершенно неинтересны. Видит же, что мне страшно хочется взяться за стул и шарахнуть ему по плешивой голове, – и никакой реакции. И то – дедушке уже много-много лет, и титул старейшего журналиста Дальнего Востока носит не зря. Он начинал, еще когда никакого Харбина в проекте не имелось, и перебрался сюда чуть ли не одним из первых. В те времена газета выходила на двух страничках, с отвратительной бумагой, и краска пачкала руки. А он самолично писал большинство корреспонденций в своем любимом детище «Харбинская Правда».

– Надир Поладович, – жалобно говорю, – вам совсем не интересно, чем все кончилось?

Немного лести – совсем не лишнее. Отчество у нас употребляется по отношению к очень уважаемым людям. А так все больше по именам и фамилиям. С давних времен традиция идет. Так и писали прошения к вышестоящему начальству вплоть до Австрийской войны: «Бьет челом Ибрагимка такой-то».

– Молодой человек, – отправляя в рот очередную порцию, сообщил он, – зачем мне спрашивать? Я еще утром мог рассказать результат. Вы вроде неглупы и должны соображать. Когда приходишь с улицы и нет прямого указания содействовать, помогать, облегчать и иже с ним, с вами в лучшем слу-

чае вежливо поговорят и ничего конкретного не скажут.

– Ага, – с сарказмом соглашаюсь, – вежливо. На входе встречает узкоглазая личность с коповскими петлицами в звании лейтенанта и говорит: «Что надо?» Смотрит документы и страшно вежливо советует: «Дол бы ты отсюда».

– У него шрамика вот здесь, – показывая на бровь, – нет?

– Есть.

– Тогда вам повезло. Этот узкоглазый тип – лейтенант Пак Суджон.

Я подождал разъяснений после прихлебывания чая из старой кружки по возрасту как бы не старше хозяина и, не дождавшись, старательно прокашлялся, напоминая о себе.

– Хороший журналист, – невозмутимо поведал Ковалев, – просто обязан знать нужных людей. Кто они, на что способны и насколько правдивую информацию дают. Люди слишком часто врут по поводу и без повода. Иногда просто желают приятнее выглядеть, а иногда и специально. Напишите ерунду какую – и попробуйте потом доказать, что не верблюд.

– Вообще-то я вчера приехал, и прямиком из Турции, – напоминая.

– Да, любопытно было читать ваши репортажи. Благогатная тема война. Всегда есть о чем поведать. Умеете читателей завлекать. Еще бы не увлекались так сравнениями, а сосредоточились на конкретных фактах.

– Я это к тому, что знакомств завести не успел. И вооб-

ще не очень представляю здешние подводные течения. Главный редактор понукал скорее-скорее, без всяких объяснений. Вот с чего требовалось пороть горячку и гнать меня, если имеется такой специалист по местным делам?

– Хе-хе. Уверен, далеко пойдете. Так ненавязчиво польстить. Молодец. Еще бы немного подготовиться – и цены бы вам, молодой человек, не было. Белов ваш совсем не дурак и правильно все сделал. Любопытно, сам догадался или подсказали? Обычно у старых вояк одна извилина, и та от каски. А тут правильно дотумкал. Стоит только посмотреть по сторонам.

– ?!

– Маньчжурия всегда была странным местом. Впрочем, – добавил, подумав, – как и Сибирь. Освоение шло все больше нерусскими. Русским она представлялась далеким и холодным местом ссылки. В результате в наших краях всегда было двоевластие. Хазак и назначенные из центра чиновники. Губернатор Дальневостока стремился подмять под себя Войско, а оно не менее энергично сопротивлялось. С появлением ВЖД и промышленных предприятий появилась и третья сила, с которой вынужденно считались все. Вечные проблемы – кто и кому по какому вопросу подчинен. Еще и настойчивое желание центральных властей пропихнуть в Маньчжурию русских переселенцев. Хазак всегда не менее энергично указывали на наличие свободных территорий в Приамурье, регулярно напоминая, что там тоже по названию

Маньчжурия, и очень не любили собственную землю отдавать. Вполне понять можно.

Он посмотрел на меня и усмехнулся:

– Уже подбираюсь к сути. Может, чаю будете?

Я поспешно схватил чайник и налил себе кипяток в стандартный стеклянный стакан с подстаканником. В вагонах такие дают пассажирам, и кое-кто тырит. Зачем – ума не приложу. В магазине дешевле. Проводники залог берут. Именно чтобы не уносили. Им тоже неохота из своего кармана расплачиваться за чужие шалости. Добавил заварки и сахара, лишь бы он не отвлекался.

Ковалев скривил нос. Лекцию по правильному приготовлению чая я выслушал еще вчера. Искать самовар и отмеривать правильные дозы чайного листа не собираюсь. Не из вредности: смысла не вижу. Клади больше заварки – вот правильный метод.

– С появлением Республики, – с тяжким вздохом сообщил он, обиженный моей непроходимой тупостью в деле чайной церемонии, – очень вырос вес хазачества. Единственной вооруженной силы, без оговорок поддержавшей новый порядок. Чиновников поприжали, а значение ВЖД упало. Не самой дороги, а ее побочных предприятий. Нашлось кому строить новые фабрики и работать в шахтах без Управления железной дороги. Сначала после войны был серьезный спад, потом у нас начался экономический бум. Товары из Китая, производство всякого ширпотреба здесь. Качество не самое

замечательное, зато цена ниже европейской и перевозка дешевле. Но время шло, добрались владимирские генералы и до Востока. Прямо отбирать привилегии было бы некрасиво и стратегически неправильно. И тогда изобрели такую замечательную вещь, как КОП.

– Позвольте, – не согласился я, – его создавали гораздо раньше. Вот у нас на юге в Ярославле...

– Вот! – довольно сказал Ковалев. – Совершенно верно, КОП существовал и раньше, но здесь присутствовал в крайне захудалом виде. В Маньчжурии все дружно поддерживали Салимова и всю военную команду. Никак особых мер не требовалось. Сидели два человека, следили за соблюдением экономических отношений между рабочими и хозяевами. Не сказать что совсем нечем заняться, однако не перетружались. Но вы буквально сейчас произнесли заветное слово.

– В смысле?

– Пять лет назад в наши края прибыл облеченный высокими полномочиям и не менее высоким доверием комиссар Тульчинский. Знакомая фамилия?

– Я у Морозова в подчинении был, но кто же вокзальных не знал в Ярославле! Лично, – лихорадочно вспоминая, – пару раз сталкивались, но вряд ли он меня помнит. В добровольческой бригаде нас под тысячу было, а ротным я под конец стал. Тогда офицеры и на рядовых должностях служили. Образцовый начальник, но очень трудный человек. Своих любит, чужим не доверяет.

Никогда и нигде не погрешил против совести и присяги. С ним тяжело. Зато при необходимости ответственную задачу обязательно выполнит. Еще сам приказы выполнял, не смущаясь жестокостью задачи, и других заставлял. Врагов готов был убивать и убивал собственными руками. Это принесло не только должность, но и славу одного из наиболее жестких подавителей восстаний против центральной власти. Очень высоко ставил честь офицера. Если сам не способен, других заставлять не станет. Но уж и оправданий не примет.

– А Зиброва?

– Этого лично знаю, – доложил обрадованно. – Мы с рябым Назрань чистили от мятежников. Приходилось общаться. Да и потом аулы вместе жгли. То мы их прикроем, то они нас. Он у Тульчинского ходил на поводке. Без контроля за просто с нарезки слетает, а так грамотный ротный вышел.

– Гусев, Красильников, Дзахоев?

– Гусева не помню. Красильников бронепоездом командовал, и мы с ним хорошо знакомы. Накатался я в свое время на открытой площадке. А Дзахоев вроде осетин, из кавалеристов. Встречались, но мельком. Хотите сказать, они всем ярославским отделом здесь?

– Умный человек, приезжая на новое место, тащит с собой и собственную проверенную команду. А комиссар совсем не глуп. Медресе в свое время не кончал, но прекрасно знает, чего хочет. И с ребятами своими отношения более чем дружественные. Не выпить совместно, он почти не пьет, ну по

нашим маньчжурским понятиям, а вполне по-братски. Почти круговая порука. На службе дисциплина железная...

– Это я помню.

– У нас тут одно время на него всерьез копали. Как ни старались упрекнуть в беспринципности или корысти, – нельзя. И при этом прямолинейность и беззастенчивость, с которой он подавляет любые проявления оппозиционности режиму. Включая экономические.

– Не понял, – сознаюсь.

– Ай, да чего сложного? Посмотрите на карту. Протяженность границы. В особый округ входит еще и русская Монголия. И захотели бы, всю перекрыть нельзя. А многим и не требуется. Контрабанда у нас всю жизнь процветала. Местные власти очень редко замечали. Особенно в войну и после расцвела незаконная торговля. Хазаков мобилизовали, контролировать некому. А тут появился деятель со стороны – и кое-кого всерьез прижали. А где серьезные деньги, там и проблемы. На словах все одобряют, а помощи никакой. А зэки насквозь купленные. Вы, кстати, не знаете, кто додумался на кокардах полиции писать «Защищать и карать»? Копам с их эмблемой в виде меча и щита гораздо больше подходит.

– Без понятия. Какая разница? Раньше фараонами назывались, теперь зэками, по первым буквам. От перемены эмблемы воров лучше ловить не стали.

– В компетенцию КОПа, – тяжело вздохнув и укоризненно качая головой, недовольный моей легкомысленностью, сооб-

шил Ковалев, – входила еще и переаттестация полиции. До нас добралась с серьезным запозданием. На Руси все перетряхнули, а здесь тишь и полная благодать. До приезда нового начальства. Она проходила очень оригинально. Пойманных на взятках расстреливали. Не за пирожок у торговки – таких просто выгоняли, – а серьезных начальников. И без подставы. Реальные дела. По ВЖД и через Харбин шел постоянный поток нелегальных товаров. Валюта, опиум, оружие. В контрабандной торговле участвовали чиновники, железнодорожный обслуживающий персонал, полиция. Тульчинский почти год сидел тихо и материальчик собирал, а потом головы полетели, и никакие жалобы в центр не помогали. Всю обнаглевшую верхушку спекулянтов отправили в гости к Аллаху. Не стрелочников – настоящих хозяев подпольного бизнеса. Сейчас купцы в Маньчжурии почти честно живут. Боятся.

Я подумал о невозможности действовать без очень знающих агентов. Вот сидит передо мной господин Ковалев. Я ведь тоже кой-какие справки навел. Он на полицмейстера Харбина убойный компромат накопал, да сам чуть не сел. Какие-то мутные свидетели появились, опиум в доме нашли. Документы, отправленные во Владимир, напротив, совершенно случайно потерялись. И чтобы он, при всех своих знаниях и добровольных источниках, не постарался подарить единственному борцу за справедливость весь накопленный компромат? В суде неизвестно, пройдет или нет, а тут со-

всем другое дело. Помню я эту историю. Громкое дело было. Единственное – не знал, кто волну поднял. Фамилий коповцев обычно в газетах не называют. Комиссар или там капитан Н. Местные в курсе, а в Рязани люди должны знать одно – организация бдит и спуску вора́м не дает.

– Да и хунхузы¹³ ходили. А кто тебе скажет, что с нашей стороны никогда через границу с целью прибараклиться банды не действовали, постарайся не смеяться. Мы еще ничего. Монголы отрядами в сотни человек шастали. Они туда – китайцы на нашу сторону. В степи война не прекращается никогда. Бывало, и города на хапок брали. Тульчинского же вначале всерьез не принимали. Ну, решили где-то там во Владимире создавать Пограничный корпус. Нам, здешним, какое дело? Хазак там служить не будут! А ему того и надо было. Зачем иметь дело с уже устоявшимися структурами? Зато в Маньчжурии живут русские, поляки, корейцы. И в немалом количестве. Раньше их призывали в стрелковые части. Либо сибирские, либо туркестанские. А теперь на месте служить стали. Пограничники в прямом подчинении КОПа. Оглянуться не успели, как на территории Войска появилась очень серьезная сила. Те же корейцы раньше не пришей кобыле хвост были. Вроде живут, но паспорт исключительно у поселившихся до Окаянного. А теперь отслужил – граж-

¹³ Члены вооруженных банд иногда до тысячи человек в Монолии и Китае. От китайского «хунхунцы» – буквально: краснобородый. Могли быть китайского, монгольского и корейского происхождения. Серьезные банды нападали даже на города.

данство. Они за это право кого хошь загрызут. А за командира своего, являющегося образцом храбрости, чести и живущего такой же солдатской жизнью, стеной встанут моментально. Ты его тронь – ага.

– Вы это всерьез?

– Вполне. Служба в погранвойсках – для меньшинств билет в новую жизнь. В университет без очереди принимают, и платить не надо. Для бывших погранцов радостные улыбки. Это уже не самодеятельность, на самом верху пробивать необходимо. Есть у Тульчинского связи, никто не сомневается. И не только корейцев касается. Поляков и монголов тоже. Им еще и регулярно внушают про боевое братство и идейное служение стране.

– Мне слух не режут подобные выражения. Я вполне серьезно верю в эти вещи.

– Молодой человек, не забывайте, о ком это говорится. О бесправных азиатах-батраках и поляках, которым запрещалось жить восточнее Урала, если не считать Одессы и Каспия с Кавказом. Они слегка иначе относятся к долгу перед Русью... Относились. Про всех не скажу, а молодежь проходит определенную идеологическую накачку, и при этом на заставах специально перемешиваются с русскими и живущими на территории Войска всякими уйгурами, дунганями и прочими тунгусами. Айнов только нет.

– Так они еще лет двести пятьдесят назад получили хазачьи права, и с Хоккайдо и Сахалина даже в Австрийскую на

фронт не отправляли. Пару сотен добровольцев, и все.

– Охранять рыболовные промыслы от хищничества браконьеров и острова – важнее! – увесисто обронил Ковалев. – Огромные деньги в казне. Да и база военно-морская важнейшая. А нынче и военно-воздушные. Всю Японию, если что, накрыть запросто.

– Я разве спорю? Жаль, что только две трети Хоккайдо нам досталось. Такой замечательный плацдарм для давления на самураев.

– А военных там давно больше по количеству, чем всего коренного населения. Они за счет одной аренды земли очень неплохо живут. Но мы отвлеклись от темы... Так вот... Не дай Аллах милосердный свара на национальной или религиозной почве у погранцов. Повесить не повесят, но волчий билет обеспечен. Вся служба псу под хвост. Между прочим, совсем не легкая служба. Заставы разбросаны достаточно далеко, и резервные «летучие» отряды мгновенно не появятся. Случалось, приходилось серьезные бои выдерживать самостоятельно. Обучают их хорошо. Вооружение вполне пристойное, снабжение прекрасное. А ко всему прочему и с местным населением налажены неплохие отношения. Станичникам тоже выгодно снять с себя часть нагрузки по патрулированию. Наверху ссориться могут сколько угодно, а нормальный хазак свою выгоду прекрасно видит. У него появилось больше свободного времени, а погранцы свои. Хоть и не их сословие, но службу тянут. Никаких серьезных жа-

лоб за все время не поступало. Подраться – это случалось, но все обычно легко улаживается прямо на месте.

– И много погранцов?

– Точно не скажу, с этим в штаб Пограничного корпуса. Есть там подполковник Юнаков. Из кадровых.

– Он в Ярославле первый год до Морозова комендантом города был, – поделился я.

– И не жметесь служить под началом комиссара. По званию Юнаков выше, но есть у меня серьезные основания считать Тульчинского не выскочкой, а самородком, имеющим задатки хорошего организатора, вполне достойного выдвижения. Только в наше время и могли появиться неизвестно откуда взявшиеся выдвиженцы. Поползли наверх лейтенанты и капитаны военного времени, делом доказавшие преданность военному правительству. Мест освободилось много. Половину генералитета на пенсии спровадили. Если сейчас не споткнется, далеко пойдет.

– В каком смысле споткнется?

– А вот это самое интересное. Особый округ включает в себя еще и русскую Монголию. И на ее территории непременно расположился ДОН.

– Не понял. А река откуда?

– Дивизия особого назначения, – терпеливо объяснил Ковалев. – Командир Дзахоев. Начштаба Бочаров. Уж это вы могли и сами легко выяснить. В прямом подчинении КО-Па, а именно всего-навсего капитана Тульчинского, три ка-

валерийских, два стрелковых полка, автобронедивизион, резервный, инженерный, автомобильный, санитарный батальоны. Артиллерия, аэропланы, три бронепоезда. Учебный батальон по подготовке младшего командного состава. Всего не меньше пятнадцати тысяч человек. В пехотных полках чуть не все ротные и батальонные командиры из бывших ярославских юнкеров. В кавалерийских в основной массе тоже бывшие добровольцы.

– А здесь вы в курсе про численность? – заинтересованно спрашиваю.

– А это не тайна, – невозмутимо подтвердил Ковалев. – И на базе дивизии сформировано три полка монгольской конницы. Их серьезно натаскали и проверили на практике. Многосотверстные марши по степям и пустыням в погоне за басмачами и хунхузами. Они еще имеют дивную привычку привозить для доказательства отрезанные головы. В ДОНе с этим проще. Мало ли чья голова, а вот оружие трофейное предъявить необходимо. Во избежание приписок. Короче, власть там имеется, и она не гражданская. В Урге все больше щеки надувают, а сила за ДОНом. Тульчинский натурально двуличный, и я не помню, чтобы он за все эти годы в отпуске пребывал. Всюду успевает и всех контролирует. Еще и с хазакami не забывает раскланиваться. Этих он всерьез щупать не пытался. Вполне добрососедски живут. Я тебе – ты мне. И вот в один светлый и замечательный день, совершенно неожиданно... Прямо-таки вдруг, без всякой причи-

ны, собираются представители монгольских племен, официально входящих в Китай, и дружененько просят в наше подданство. Тут надо на карту посмотреть. Очень неудобно территория их проживания врезается между нашей Маньчжурией и нашей Монголией. Ну, еще на юге чуток, но это уже мелочь. А вот перерезать единственную связь между областями по железной дороге они могут легко. Если проблемы начнутся, придется огромный крюк делать через Приамурье.

Дальше мне уже объяснять не требовалось. Не настолько тупой. Общая картина и раньше не вызывала недоумения. Китайцев мы вышибли из Внешней Монголии и бывшей Джунгарии достаточно поздно. Алтай и Бурятия давно входили в состав Каганата, а эти земли стыдливо именовались протекторатом. Такая оригинальная форма правления, при которой стоят русские войска и управляют тоже русские. При этом имеются свои якобы почти независимые ханы, без разрешения не смеющие пикнуть. Прогрессивные деятели называют подобное разделение отвратительным и указывают на двойной гнет местного населения. Как будто в Индии раджи перевелись. Вечно мы желаем быть самыми гуманными и красиво выглядящими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.